
1246
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц А 4
П 696

странница дознанія № 169

Анны Захарьяшъ

по протоколу осмотра

№ 3

по описи № 21.

г. Плеханов

×

Социализм и политич. борьба

188 г.?

Предисловіе.

Предлагаемая брошюра можетъ подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ или даже неудовольствіямъ. Лица, сочувствующія направленію „Земли и Воли" и „Чернаго Передѣла" (органовъ, въ редактированіи которыхъ я принималъ участіе), могутъ упрекнуть меня въ томъ, что я отступилъ отъ теоріи такъ наз. народничества. Сторонникамъ другихъ фракцій нашей революціонной партіи можетъ не понравиться моя критика дорогихъ имъ воззрѣній. Считаю нелишнимъ, поэтому, небольшое предварительное объясненіе.

Стремленіе работать въ народѣ и для народа, увѣренность въ томъ, что „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса" — эта практическая тенденція нашего народничества дорога мнѣ по прежнему. Теоретическія же его положенія, дѣйствительно, кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ ошибочными. Годы пре-

шей революціонной интеллигенціи буржуазныхъ инстинктовъ, оскверненіемъ чистоты соціалистической программы. Другіе не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, въ ея мнимыхъ интересахъ, идти на компромиссы съ либерально-оппозиціонными элементами нашего общества. Нѣкоторые доходили даже до того, что считали вреднымъ для настоящаго времени всякое проявленіе классоваго антагонизма въ Россіи. Такихъ взглядовъ держался, напр. Желябовъ, которому „русская революція представлялась, по словамъ его біографа, не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже (?) рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще"(*)

Другими словами, революціонное движеніе противъ абсолютной монархіи сливалось въ его представленіи съ соціально-революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса во имя своего экономическаго освобожденія; частная, спеціально-русская задача настоящаго времени заслоняла со

*) Смотри брошюру „А. И. Желябовъ", стр. 10.

вою общую задачу рабочихъ классовъ
всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Да-
лѣе этого разногласіе идти не мог-
ло, и разрывъ сталъ неизбѣженъ.

Время сгладило, однако, крайности
и разрѣшило значительную часть
спорныхъ вопросовъ въ удовлетвори-
тельномъ для обѣихъ сторонъ смы-
слѣ. Мало по малу всѣ или почти
всѣ признали, что начатая поли-
тическая борьба должна продолжать-
ся до тѣхъ поръ, пока широкое
освободительное движеніе въ народѣ
и обществѣ не разрушитъ зданія
абсолютизма, какъ землетрясеніе
разрушаетъ курятникъ, если мож-
но употребить здѣсь энергичное
выраженіе Маркса. Но очень мно-
гимъ изъ нашихъ соціалистовъ бо-
рьба эта до сихъ поръ представ-
ляется какимъ то вынужденнымъ
компромиссомъ, временнымъ тор-
жествомъ практики надъ теоріей,
насиліемъ жизни надъ безсиліемъ
мысли. Сами „политики", оправды-
ваясь отъ сыпавшихся на нихъ
упрековъ, избѣгали всякой аппеля-
ціи къ основнымъ положеніямъ
соціализма, а ссылались лишь на
неотразимыя требованія дѣйстви-

Читатель не забылъ еще, вѣроятно, біографіи А. И. Желябова, заключающей въ себѣ строгую и часто весьма вѣрную критическую оцѣнку программы и дѣятельности кружка „Земли и Воли.“ Очень можетъ быть, что мои критическія попытки окажутся менѣе удачными, но едва ли было бы справедливо признать ихъ менѣе своевременными.

Г. П.

Соціализмъ и политическая борьба.

Всякая классовая борьба
есть борьба политическая.
Карлъ Марксъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русское революціонное движеніе окончательно выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, вопросъ о политическихъ задачахъ соціалистовъ сдѣлался самымъ насущнымъ, самымъ жгучимъ вопросомъ для нашей партіи. Изъ-за него расходились люди, связанные многими годами совмѣстной практической дѣятельности, изъ-за него распадались цѣлые кружки и организаціи. Можно даже сказать, что всѣ русскіе соціалисты временно раздѣлились на два лагеря, державшіеся діаметрально-противоположныхъ взглядовъ на „политику". Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не измѣной народному дѣлу, проявленіемъ въ на-

зыванія за-границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія, въ родѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить соціально-политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія, и что онѣ не могутъ „развиться въ высшую, коммунистическую форму" безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной рабочей соціалистической партіи.

Поэтому я и думаю, что рядомъ съ борьбой противъ абсолютизма, русскіе революціонеры должны стремиться, по крайнѣй мѣрѣ, къ выработкѣ элементовъ для созданія такой партіи въ будущемъ. Въ этой созидательной дѣятельности имъ, по необходимости, придется перейти на почву современнаго соціализма, такъ какъ идеалы „Земли и Воли" не соотвѣтствуютъ положенію промышленныхъ рабочихъ. И это будетъ очень кстати теперь, когда теорія руской самобытности становится синонимомъ застоя и реакціи, а про-

грессивные элементы русскаго общества группируются подъ знаменемъ осмысленнаго „западничества".

Перехожу къ другому пункту моего объясненія. Здѣсь, прежде всего, скажу въ свою защиту, что я касался не лицъ, а мнѣній и что частныя разногласія мои съ той или другой соціалистической группой ни мало не уменьшаютъ моего уваженія ко всѣмъ искреннимъ борцамъ за освобожденіе народа.

Кромѣ того, такъ наз. террористическое движеніе открыло собою новую эпоху въ развитіи нашей революціонной партіи — эпоху сознательной политической борьбы съ правительствомъ. Эта перемѣна въ направленіи дѣятельности нашихъ революціонеровъ дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ всѣхъ взглядовъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предшествующаго періода. Жизнь требуетъ внимательнаго пересмотра всего нашего умственнаго багажа при нашемъ вступленіи на новую почву, и я смотрю на свою брошюру, какъ на посильный вкладъ въ это дѣло критики, давно уже начавшееся въ нашей революціонной литературѣ.

тельности. Въ глубинѣ души они и сами, повидимому, вѣрили, что имъ не совсѣмъ къ лицу политическія тенденціи, но утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что только въ свободномъ государствѣ они могутъ предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ и, покончивши всякіе счеты съ политикой, всецѣло посвятить себя дѣлу соціализма. Это смутное убѣжденіе приводило иногда къ непріятнымъ курьезамъ недоразумѣніямъ. Разбирая рѣчь „русскаго гостя" на Хурскомъ Конгрессѣ, и пытаясь оправдаться отъ мнимаго упрека въ политиканствѣ, „Народная Воля" замѣтила, между прочимъ, что ея сторонники не соціалисты и не политическіе радикалы, а просто „народовольцы". Органъ террористовъ полагалъ, что „на Западѣ" вниманіе радикаловъ исключительно поглощено политическими вопросами, а соціалисты, наоборотъ, знать не хотятъ „политики". Всякій, знакомый съ программами западно-европейскихъ соціалистовъ, понимаетъ, конечно, насколько ошибочно та-

кое представленіе по отношенію къ огромному ихъ большинству. Извѣстно, что соціальная демократія Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политическаго „воздержанія." Ея сторонники не игнорируютъ „политики." Они лишь не представляютъ себѣ задачъ соціалистической революціи въ видѣ „возрожденія всего народа вообще." Они стараются организовать рабочихъ въ особую партію, чтобы отдѣлить, такимъ образомъ, эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ и дать политическое выраженіе экономическому антагонизму. Откуда же взялась у насъ увѣренность въ томъ, что соціализмъ обусловливаетъ собою политическій индеферентизмъ, - увѣренность, стоящая въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью? У Шиллера Валленштейнъ говоритъ Максу Пикколомини, что человѣческій умъ широкъ, между тѣмъ какъ міръ узокъ, и что поэтому мысли легко уживаются въ первомъ, между тѣмъ какъ вещи рѣзко сталкиваются между собою во второмъ. Должны ли мы сказать про себя, что въ нашемъ мозгу, наоборотъ, не могутъ

ружиться рядомъ понятія о такихъ вещахъ, которыя не только прекрасно уживаются въ практикѣ, но и вообще немыслимы внѣ взаимной связи?
Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ нужно прежде всего привести въ ясность тѣ представленія о соціализмѣ, которыя существовали у нашихъ революціонеровъ въ эпоху возникновенія въ нихъ средѣ политическихъ тенденцій. Убѣдившись въ томъ, что эти представленія были ошибочными или отсталыми, мы посмотримъ, какое мѣсто отводитъ политической борьбѣ то ученіе, которому даже буржуазные его противники не отказываютъ въ названіи научнаго соціализма.
Послѣ этого намъ останется только сдѣлать въ нашихъ общихъ выводахъ поправки, неизбѣжныя въ виду тѣхъ или другихъ особенностей современнаго положенія дѣлъ въ Россіи и наша тема будетъ исчерпана, политическая борьба рабочаго класса съ врагами, принадлежащими къ той или иной исторической формаціи, окончательно обнаружитъ передъ нами свою связь съ общими задачами соціализма.

I

Соціалистическая пропаганда оказала огромное вліяніе на весь ходъ умственнаго развитія въ цивилизованныхъ странахъ. Нѣтъ почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повліяла бы въ томъ или иномъ смыслѣ. Она частію разрушила старые, научные предразсудки, частію превратила ихъ изъ наивнаго заблужденія въ софизмъ. Понятно, что еще сильнѣе должно было отозваться вліяніе соціалистической пропаганды на самихъ сторонниковъ новаго ученья. Всѣ традиціи прежнихъ „политическихъ" революціонеровъ подверглись безпощадной критикѣ, всѣ пріемы общественной дѣятельности были анализированы съ точки зрѣнія „Новаго Евангелія". Но такъ какъ дѣло научнаго обоснованія соціализма было закончено лишь съ появленіемъ „Капитала", то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны; такъ какъ, съ другой стороны, въ утопическомъ соціализмѣ существовало нѣсколько школъ, почти

равносильныхъ по своему вліянію, то мало по малу выработался родъ какого то средняго соціализма, котораго и придерживались люди, не претендовавшіе на основаніе новой школы и не принадлежавшіе къ числу особенно рьяныхъ сторонниковъ-прежде существовавшихъ. „Этотъ эклектическій соціализмъ представляетъ собою - какъ говоритъ Фр. Энгельсъ - различныхъ оттѣнковъ смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ и наименѣе глубокихъ критическихъ замѣчаній, экономическихъ положеній и общественныхъ идеаловъ различныхъ основателей сектъ, смѣсь тѣмъ легче получаемую, чѣмъ скорѣе составныя части ея утрачиваютъ въ потокѣ дебатовъ какъ камни въ ручьѣ - свои острые углы и грани" *) Этотъ средній соціализмъ, замѣчаетъ тотъ же авторъ, господствуетъ до сихъ поръ въ головахъ большинства рабочихъ соціалистовъ въ Англіи и Франціи. Мы, русскіе, могли бы прибавить, что такая же точно смѣсь господствовала въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ умахъ нашихъ соціалистовъ

*) См. Entwickelung des Socialismus, стр. 18.

и представляла тотъ общій фонъ, на которомъ выдѣлялись два крайнія направленія: такъ называемыхъ „впередовцевъ" и „бакунистовъ." Первые склонялись къ нѣмецкой соціаль-демократіи, вторые представляли собою русское изданіе анархической фракціи интернаціонала. Расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, оба направленія сходились — какъ это ни странно сказать — въ отрицательномъ отношеніи къ „политикѣ". И нужно сознаться, что анархисты были, въ этомъ отношеніи, послѣдовательнѣе русскихъ соціаль-демократовъ того времени.

Съ анархической точки зрѣнія, политическій вопросъ является пробнымъ камнемъ всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицаютъ всякія сдѣлки съ современнымъ государствомъ, но исключаютъ изъ своихъ представленій о „будущемъ обществѣ" все, что напоминаетъ такъ или иначе государственную идею. „Автономная личность въ автономной общинѣ" — таковъ былъ и есть девизъ всѣхъ послѣдовательныхъ сторонниковъ этого

направленія. Извѣстно, что родоначальникъ его Прудонъ, поставилъ себѣ, въ своемъ органѣ „La voix du peuple" не совсѣмъ скромную задачу „сдѣлать по отношенію къ идеѣ правительства (которую онъ смѣшивалъ съ государственной идеей) то же, что сдѣлалъ Кантъ по отношенію къ идеѣ религіозной" *), и дошелъ въ своемъ антигосударственномъ рвеніи до того, что объявилъ самого Аристотеля „скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ". **) Рѣшеніе поставленной имъ

*) См. Confessions d'un revolutionnaire, Preface, p. 4

**) До какой степени Аристотель былъ „скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ", видно изъ первой главы, первой книги его „Политики", гдѣ онъ говоритъ, что „государство есть самая законченная форма общественности", что цѣль его есть „высшее благо", и что поэтому оно оказывается явленіемъ „естественнымъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, а человѣкъ есть животное, самой природой предназначенное къ государственной формѣ общественности" (B. I, C. I, §§ I–XI нѣмецкаго изданія Зюсемиля 1879 года). Автор „Политики" такъ же „скептично" относится къ государству, какъ Прудонъ къ товарному производству: первый

себѣ задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логически изъ экономическихъ ученій французскаго Канта. Прудонъ никогда не могъ представить себѣ экономическаго строя будущаго иначе, как въ формѣ товарнаго производства, исправленнаго и дополненаго новой, „справедливой" формой обмѣна на началахъ „конституированной стоимости." При всей „справедливости" этой новой формы обмѣна, она не исключаетъ, разумѣется, ни купли ни продажи, ни долговыхъ обязательствъ, сопровождающихъ товарное производство и обращеніе. Всѣ эти сдѣлки предполагаютъ, конечно, различные договора, которыми и опредѣляются взаимныя отношенія обмѣнивающихся сторонъ. Но въ современномъ обществѣ „договора" основываются на общихъ правовыхъ нормахъ, обязательныхъ для всѣхъ гражданъ и охраняемыхъ государствомъ. Въ „будущемъ" обществѣ [illegible] не могъ представить себѣ иной, высшей формы общественности, в которой не подозрѣвалъ, что предметы могутъ распредѣляться между членами общества, не являясь въ видѣ товаровъ [illegible]

дѣло должно было происходить нѣсколько иначе. Революція должна была, по мнѣнію Прудона, уничтожить „законы", оставляя одни „договоры". „Не нужно законовъ, вотированныхъ большинствомъ или единогласно- говоритъ онъ въ своей „Idée generale de la Revolution au XIX siecle"- каждый гражданинъ, каждая коммуна и корпорація установятъ свои особые законы."(p. 259) При такомъ взглядѣ на дѣ[illegible], политическая программа пролетаріата упрощалась до послѣдней возможности. Государство, признающее лишь общіе и обязательные для всѣхъ гражданъ законы, не могло служить даже средствомъ для достиженія соціалистическихъ идеаловъ. Пользуясь имъ для своихъ цѣлей, соціалисты лишь укрѣпляютъ то зло, съ искорененія котораго должна начаться „соціальная ликвидація. Государство должно „разложиться" открывая такимъ образомъ „каждому гражданину, каждой коммунѣ и корпораціи" пол[illegible]оду издавать „свои собств[illegible] законы" и заключать необходимые для нихъ „договоры".

Если же анархисты не будутъ терять времени въ періодъ, предшествующій „ликвидаціи," то „договоры" эти будутъ заключены въ духѣ „Системы экономическихъ противорѣчій," и торжество „Революціи" будетъ обезпечено.

Задача русскихъ анархистовъ упрощалась еще болѣе. „Разрушеніе государства" (занявшее мало по-малу въ анархической программѣ мѣсто рекомендованнаго Прудономъ „разложенія") должно было расчистить путь для развитія „идеаловъ" русскаго народа. А такъ какъ въ этихъ „идеалахъ" общинное землевладѣніе и артельная организація промысловъ занимаютъ очень видное мѣсто, то предполагалось, что „автономные" россіяне демократическаго происхожденія будутъ заключать свои „договоры" уже не въ духѣ прудоновской взаимности, а скорѣе въ духѣ аграрнаго коммунизма. Какъ „прирожденный соціалистъ", русскій народъ не замедлитъ понять, что одно общинное владѣніе землею и орудіями производства не гарантируетъ еще желаннаго „равенства," и вы-

ніркдень будетъ взяться за органи-
зацію „автономныхъ общинъ" на со-
вершенно коммунистическихъ осно
ваніяхъ.
Впрочемъ, русскіе анархисты, по
крайней мѣрѣ, анархисты такъ
называемаго „бунтарскаго" оттѣн-
ка, мало задумывались объ эко-
номическихъ послѣдствіяхъ про-
повѣдуемой ими народной револю-
ціи. Они считали своей обязан-
ностью устранить тѣ обществе-
нныя условія, которыя мѣшали,
по ихъ мнѣнію, нормальному раз-
витію народной жизни; но они
не спрашивали себя о томъ, по
какому пути пойдетъ это раз-
витіе, освободившись отъ внѣш-
нихъ препятствій. Что эта свое
образная передѣлка на револю-
ціонный фасонъ знаменитаго де-
виза манчестерской школы: laissez faire, laissez passer, - исключала
всякую возможность серьезной
оцѣнки современнаго состоянія на-
шей общественно-экономической жи
зни и уничтожала всякій крите-
рій для опредѣленія самого поня-
тія о „нормальномъ" ходѣ ея раз-
витія - этого также не подозрѣ-

вали ни „бунтари", ни появившіеся впослѣдствіи „народники". Притомъ же, подобная оцѣнка была бы совершенно безнадежной попыткой до тѣхъ поръ, пока исходной точкой разсужденій нашихъ революціонеровъ оставались ученія Прудона. Слабѣйшею частью этихъ ученій, пунктомъ ихъ логическаго грѣхопаденія, является понятіе о товарѣ и мѣновой стоимости, т. е. именно тѣ посылки, на основаніи которыхъ только и можно сдѣлать правильное заключеніе о взаимныхъ отношеніяхъ производителей въ экономической организаціи будущаго. Съ точки зрѣнія прудоновскихъ теорій не имѣетъ никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладѣніе отнюдь не исключаетъ товарнаго производства. Прудонистъ понятія не имѣетъ о „внутренней, неизбѣжной діалектикѣ", превращающей товарное производство, на извѣстной стадіи его развитія въ капиталистическое *). Его русскому кузену и въ голову не приходило,

*) См. Das Kapital, 2 Auflage, s.s. 607–8.

поэтому, спросить себя, достаточно-ли разъединенныхъ усилій „автономныхъ лицъ“, коммунъ или корпорацій для борьбы съ этой тенденціей товарнаго производства, грозящей снабдить въ одинъ прекрасный день нѣкоторую часть „прирожденныхъ“ коммунистовъ „благопріобрѣтенными“ капиталами и превратить ихъ въ эксплуататоровъ остальной массы населенія. Анархистъ отрицаетъ созидающую роль государства въ соціалистической революціи именно потому, что не понимаетъ задачъ и условій этой революціи.

Мы не можемъ вступать здѣсь въ подробный разборъ ни анархизма вообще, ни „бакунизма“ въ частности.*) Мы хотимъ лишь

*) Напомнимъ только читателю возраженіе, сдѣланное Прудону Риттингаузеномъ. „Власть, правительство со всѣми его формами – говорилъ неутомимый пропагандистъ теоріи прямого народнаго законодательства – представляетъ собою лишь выгды того рода, который называется: Вмѣшательствомъ общества въ отношенія людей къ вещамъ, а презъ

обратить вниманіе нашихъ читателей на то обстоятельство, что какъ Прудонъ, такъ и русскіе анархисты были, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ правы, возводя „политическое невмѣшательство" въ основной догматъ своей практической программы. Соціально-политическій складъ русской жизни, казалось, въ особенности оправдывалъ обязательное для всѣхъ анархистовъ отрицаніе „политики". Прежде чѣмъ выступить на поприще политической агитаціи, русскій „обыватель" долженъ превратиться въ гражданина, т. е. завоевать себѣ хоть какія нибудь политическія права, а прежде всего, разумѣется, право думать что хочетъ и говорить что думаетъ. Такая задача сво~~[illegible]~~ на практикѣ къ „полити

посредство вещей- и другъ къ другу... Я вызываю г. Прудона бросить мнѣ въ лицо, какъ результатъ его умственной работы, слѣдующее заключеніе: Нѣтъ, не нужно такого вмѣшательства общества въ отношенія людей къ вещамъ" и другъ къ другу!" См. Législation directe par le peuple et les adversaires, p. 194-195. Риттингау-

ческой революціи," а опытъ Европы ясно показалъ всѣмъ анархистам, что такія революціи никакой пользы народу не принесли, не принесутъ и принести не могутъ. Соображеніе же о необходимости политическаго воспитанія народа путемъ участія его въ общественной жизни своей страны, не могло имѣть мѣста уже потому, что анархисты считаютъ, какъ мы видѣли, такое участіе не воспитаніемъ, а развращеніемъ народныхъ массъ: оно развиваетъ въ нихъ „вѣру въ государство," а слѣдовательно и тенденцію къ государственности
зенъ думалъ, что „поставить вопросъ такимъ образомъ—значитъ рѣшить его," такъ какъ „г. Прудонъ самъ признаетъ необходимость такого вмѣшательства." Но онъ не предвидѣлъ, что ученики пойдутъ дальше учителя, и что теорія анархіи выродится наконецъ въ теорію „соціальнаго аморфизма." Современные анархисты не признаютъ никакого вмѣшательства общества въ отношеніи индивидуумовъ, какъ они неоднократно заявляли это на страницахъ своихъ органовъ

ными, какъ сказалъ бы покойный М. А. Бакунинъ „заражаетъ его оффиціально-общественнымъ ядомъ и, во всякомъ случаѣ, отвлекаетъ его хоть на малое время отъ единственно нынѣ полезнаго и спасительнаго дѣла—отъ бунта" *) При томъ же, по философіи исторіи нашихъ „бунтарей" выходило, что русскій народъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелких движеній доказалъ свои антигосударственныя наклонности, а потому и можетъ считаться достаточно зрѣлымъ, въ политическом отношеніи. Поэтому, прочь всякое политиканство! Поможемъ народу въ его антигосударственной борьбѣ, сольемъ въ одинъ революціонный потокъ его разрозненныя усилія—и тогда неуклюжее зданіе государства разлетится въ прахъ, открывая своимъ паденіемъ новую эру соціальной свободы и экономическаго равенства! Въ этихъ немногихъ словахъ выражалась вся программа нашего „бунтарства"

*) См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина „Наука и насущное революціонное дѣло".

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ программъ различныхъ фракцій русскихъ революціонеровъ, мы не должны опускать изъ виду, что взгляды, съ точки зрѣнія которыхъ „всякія конституціи" являлись, по выраженію стараго Ф. Г. Якоби, лишь болѣе или менѣе невыгодной сдѣлкой съ чортомъ — такіе взгляды, говоримъ мы, были свойственны не однимъ народникамъ и анархистамъ. Если читателю извѣстна полемика Фр. Энгельса съ П. Ткачевымъ**), то онъ, вѣроятно, помнитъ, что редакторъ „Набата", расходясь съ бакунистами по вопросу о практической борьбѣ, совершенно сходился съ ними въ основныхъ взглядахъ на соціально-политическое положеніе нашего отечества. Онъ разсматривалъ его чрезъ ту-же призму русской самобытности и „прирожденныхъ" коммунистическихъ наклонностей русскаго народа*). Какъ

**) См. „Offener Brief an Herrn F. Engels."

*) Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ лишь сравнить названное „Письмо къ Фр. Энгельсу" съ цитированной мною брошюрой М. А. Бакунина.

истинный бланкистъ, онъ не отрицалъ, разумѣется, „политики", но понималъ ее исключительно въ формѣ заговора съ цѣлью захвата государственной власти. Эта цѣль занимала, повидимому, все поле зрѣнія нашихъ тогдашнихъ бланкистовъ и приводила ихъ ко многимъ противорѣчіямъ. Оставаясь послѣдовательными, они должны были признать, что дѣятельность ихъ можетъ быть полезна дѣлу прогресса лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда направленный ими ударъ ни на волосъ не минуетъ своей цѣли. Если задуманный захватъ власти не удастся, если заговоръ будетъ открытъ или революціонное правительство будетъ низвергнуто либеральной партіей, то русскій народъ не только ничего не выиграетъ, но, напротивъ, рискуетъ очень много потерять. Въ особенности въ послѣднемъ изъ предположенныхъ случаевъ. Либералы создадутъ сильное правительство, борьба съ которымъ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ борьба противъ современной „абсолютно-нелѣпой и нелѣпо-абсо-

лютной" монархіи, а „огонь экономическаго прогресса разрушитъ коренныя основы народной жизни. Подъ его вліяніемъ разрушатся старыя формы нашей общинной жизни, уничтожится самый принципъ общины", словомъ, рѣка времени унесетъ тотъ камень, съ котораго рукой подать до коммунистическаго небеи. Въ случаѣ неудачи, русскіе бланкисты должны были нанести страшный вредъ дѣлу народнаго освобожденія и попадали, такимъ образомъ, въ трагическое положеніе Вильгельма Телля, рисковавшаго жизнью собственнаго сына. Но такъ какъ они едва ли отличались ловкостью мифическаго швейцарскаго „крамольника", то русскій народъ не крикнулъ бы имъ:

Стрѣляй! я не боюсь,

если бы усвоилъ ихъ взглядъ на „коренныя основы" своей жизни и былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе объ ихъ программѣ.

Такая узкая и безнадежная философія русской исторіи должна была логически вести къ та

му поразительному выводу, что экономическая отсталость Россіи является надежнѣйшимъ союзникомъ революціи, а застой долженъ красоваться въ качествѣ перваго и единственнаго параграфа нашей „программы-минимум". „Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые враждебные намъ общественные факторы" читаемъ мы въ первомъ, ноябрьскомъ номерѣ „Набата" за 1875 годъ. „Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнет въ нихъ духъ новый, дастъ имъ силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ", и т. д. Но если отроку Навину удалось, по библейскому разсказу, остановить солнце „на десять степеней", то время чудесъ прошло, и нѣтъ ни одной партіи, которая могла бы крикнуть: „Стойте производительныя силы, не шевелись капитализмъ!" Исторія также мало обращаетъ вниманія на опасенія революціонеровъ, какъ и на реак-

ціонныя іереміады. „Экономическій прогрессъ“ дѣлаетъ свое дѣло, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществятъ свои намѣренія. Каждая фабрика, основанная въ Петербургѣ, каждый лишній „работничекъ“, принанятый ярославскимъ кустаремъ, усиливаетъ роковое будто-бы для революціи „пламя прогресса“ а слѣдовательно и уменьшаетъ вѣроятность народнаго торжества. Можно ли назвать революціоннымъ такой взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ общественныхъ силъ въ Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ. Чтобы сдѣлаться революціонерами по существу, а не по названію, русскіе анархисты, народники и бланкисты должны были, прежде всего, революціонизировать свои собственныя головы, а для этого имъ нужно было научиться понимать ходъ историческаго развитія и стать въ его главѣ, а не упрашивать старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути.

Кружокъ „впередовцевъ“ понималъ

незрѣлость и ошибочность вышеизложенныхъ воззрѣній и было время, когда онъ могъ получить преобладающее нравственное вліяніе въ нашей революціонной средѣ. Это было именно то время, когда практическій опытъ порядкомъ таки поистрепалъ основы стараго, анархическаго народничества, и всѣ его сторонники чувствовали, что ихъ программа нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ.
Тогда послѣдовательная критика всѣхъ ея теоретическихъ и практическихъ положеній могла сдѣлать приближающійся переломъ въ движеніи еще болѣе рѣшительнымъ и безповоротнымъ. За такую критику удобнѣе всего было взяться именно „впередовцамъ“, которые, стоя почти цѣликомъ на точкѣ зрѣнія соціаль-демократіи, были совершенно свободны отъ всѣхъ народническихъ традицій. Но, чтобы имѣть успѣхъ, критика ихъ должна была не осуждать, а выяснять и обобщать тѣ насущныя потребности русской жизни, которыя все болѣе и болѣе толкали нашихъ революціонеровъ на путь

политической борьбы. Между тѣмъ, „впередовцы" отрицали „политику" также рѣшительно, какъ и анархисты. Они не думали, правда, что соціализмъ не совмѣстимъ съ вмѣшательствомъ въ политическую жизнь буржуазнаго государства, и вполнѣ оправдывали программу западно-европейской соціалъ-демократіи. Но они полагали, что возможность открытой организаціи рабочаго класса въ особую политическую партію куплена въ современномъ „правовомъ" государствѣ слишкомъ дорогою цѣною: окончательнымъ торжествомъ буржуазіи и соотвѣтствующимъ эпохѣ капитализма ухудшеніемъ положенія рабочихъ. Они забывали, что при оцѣнкѣ этого положенія нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но и всю организацію производства и обмѣна, не только среднее количество потребляемыхъ рабочимъ продуктовъ, но и самый видъ, который принимают эти продукты,*) не только степень

*) Т. е. являются ли они въ видѣ товаровъ или непосредственно потре-

эксплуатаціи, но и въ особенности ея форму, не только фактъ порабощенія рабочихъ массъ, но также тѣ идеи и понятія, которыя зарождаются и могутъ зародиться въ головѣ рабочаго подъ вліяніемъ этого факта.*) Они едва ли согласились бы съ тѣмъ, что фабричный рабочій долженъ оказаться восприимчевѣе къ соціализму, чѣмъ временно обязанный крестьянинъ; тѣмъ менѣе признали бы они, что переходъ, напр., отъ натуральнаго хозяйства къ денежному увеличиваетъ возможность сознательнаго движенія рабочихъ массъ во имя своего экономическаго освобожденія. Философско-историческая часть ученія Маркса осталась для нихъ непрочитанною главою любимой книги; они слишкомъ вѣрили во всемогущее вліяніе своей пропаганды, чтобы бояться семьею производителя, его господиномъ, или, наконецъ, государствомъ, не являясь вовсе на рынкѣ

*) Просимъ имѣть въ виду, что мы говоримъ не о редакціи журнала „Впередъ," а о дѣйствовавшихъ въ Россіи сторонникахъ этого органа.

искать для нея опоры въ объэктивныхъ условіяхъ общественной жизни, и подобно соціалистамъ утопическаго періода, они сводили къ этой пропагандѣ всю дальнѣйшую исторію своей страны вплоть до соціальнаго переворота. При такой постановкѣ вопроса, они могли, вмѣстѣ съ анархистами, сказать, пародируя извѣстную фразу Прудона - la révolution est au-dessus de la politique. Но именно потому они и не могли вывести наше движеніе изъ той мертвой точки, въ которую оно попало въ концѣ семидесятыхъ годовъ, благодаря отрицанію всякой политической борьбы съ одной стороны, и невозможности создать, при современныхъ политическихъ условіяхъ, сколько нибудь сильную рабочую партію - съ другой.

Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ „Народной Волѣ". У всѣхъ еще на памяти тѣ нападенія, которыя вызвали противъ себя тенденціи народовольцевъ. Пишущій эти строки самъ принадлежалъ

къ числу рѣшительныхъ противников этого направленія, и хотя совершенно признаетъ теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою для современной Россіи, но до сихъ поръ раздѣляетъ далеко не всѣ взгляды, высказывавшіеся въ „народовольческихъ" изданіяхъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, признать, что въ спорахъ, происходившихъ въ кружкѣ „Земли и Воли" около времени его распаденія, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почвѣ нашего практическаго опыта. Этотъ опытъ и тогда уже приводилъ къ поразительнымъ и совершенно неожиданнымъ выводамъ, хотя мы и не умѣли сдѣлать ихъ именно вслѣдствіе ихъ неожиданности. Попытки практической борьбы „противъ государства" въ сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русскій „бунтарь" непреодолимою силою обстоятельствъ вынужденъ направлять свою агитацію не противъ государства вообще, а только противъ абсолютнаго государства, воевать не съ государственной, а съ бюрократической идеей, не во имя полнаго экономическаго освобожденія народа, а во

имя устраненія тѣхъ тягостей, которыми обременяетъ народъ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопросъ лежалъ въ основаніи всѣхъ или почти всѣхъ проявленій народнаго недовольства. Иначе и быть не могло въ средѣ земледѣльческаго населенія, гдѣ „власть земли“ сказывается рѣшительно во всемъ складѣ и нуждахъ частной и общественной жизни. Этотъ аграрный вопросъ настойчиво требовалъ своего разрѣшенія, но онъ не вызывалъ политическаго недовольства. Крестьяне съ спокойной увѣренностью ожидали рѣшенія этого вопроса сверху; они „бунтовали“ не во имя земельнаго передѣла, а противъ притѣсненій администраціи, противъ непомѣрной тягости податной системы, противъ азіятской азіятскаго способа взысканія недоимокъ и т. д. и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаевъ активнаго протеста, являлось „правовое государство“, а не „Земля и Воля“, какъ намъ всѣмъ казалось въ то время. Но если это было такъ, то всѣ революціонеры считали своею обязанностью принимать участіе въ разрозненной и не-

осмысленной борьбѣ отдѣльныхъ общинъ противъ абсолютной монархіи, то не пора ли было имъ понять смыслъ своихъ собственныхъ усилій и направить ихъ съ большею цѣлесообразностью? Не пора ли имъ было призвать къ этой борьбѣ всѣ прогрессивныя, живыя силы Россіи и, найдя для нея наиболѣе об[illegible] выраженіе, аттаковать абсолютизмъ въ самомъ центрѣ его организаціи? Отвѣчая утвердительно на эти вопросы, „народовольцы" лишь подводили итогъ революціонному опыту предшествующихъ лѣтъ; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этихъ итоговъ и сознательно продолжали идти по дорогѣ, на которую мы выступили, имѣя ошибочное понятіе о ея направленіи. „Терроризмъ" совершенно логически выросъ изъ нашего „бунтарства."

Но съ появленіемъ Н. В. логическое развитіе нашего революціоннаго движенія переходило уже въ тотъ фазисъ, въ которомъ оно не могло болѣе удовлетворяться народническими теоріями добраго стараго - т. е. чуждаго политическихъ инте-

ресовъ—времени. Примѣры перероста-нія теоріи практикой очень не рѣдки въ исторіи человѣческой мысли вообще и революціонной мысли въ частности. Внося то или другое измѣненіе въ свою тактику, подвергая тѣмъ или другимъ передѣлкамъ свою программу, революціонеры часто и не подозрѣваютъ, какому серьезному испытанію подвергаютъ они общепризнанныя въ ихъ средѣ ученія. Многіе изъ нихъ такъ и умираютъ въ тюрьмахъ или на висѣлицахъ, вполнѣ увѣренные въ томъ, что они дѣйствовали въ духѣ именно этихъ ученій, между тѣмъ какъ въ сущности они были представителями новыхъ тенденцій, возникшихъ на почвѣ старыхъ теорій, но уже переросшихъ ихъ и готовыхъ найти новое теоретическое выраженіе. Так было и у насъ съ тѣхъ поръ, какъ окрѣпло „народовольческое" направленіе. Съ точки зрѣнія старыхъ народническихъ теорій направленіе это не выдерживало критики.

Народничество стояло въ рѣзкомъ отрицательномъ отношеніи ко всякой государственной идеѣ, нара

доводьцы разсчитывали осуществить свои соціально-реформаторскіе планы съ помощію государственной машины. Народничество открещивалось отъ всякой „политики", народовольцы видѣли въ „демократическомъ политическомъ переворотѣ" самое надежное „средство соціальной реформы." Народничество основывало свою программу на такъ называемыхъ „идеалахъ" и требованіяхъ крестьянскаго населенія, народовольцы должны обращаться, главнымъ образомъ, къ городскому и промышленному населенію, а слѣдовательно и отвести интересамъ этого населенія несравненно болѣе широкое мѣсто въ своей программѣ. Словомъ, въ дѣйствительности „народовольство" было полнымъ и всестороннимъ отрицаніемъ народничества, и пока спорящія стороны аппелировали къ основнымъ положеніямъ послѣдняго, „новаторы" были совершенно не правы: ихъ практическая дѣятельность стояла въ непримиримомъ противорѣчіи съ ихъ теоретическими взглядами. Нуженъ былъ полный пересмотръ этихъ взглядовъ, чтобы придать программѣ „Народной Воли" хара-

ктеръ цѣльности и послѣдовательно-
сти; практическая революціонная
дѣятельность ея сторонниковъ дол-
жна была, по крайней мѣрѣ сопро-
вождаться теоретической революці-
ей въ умахъ нашихъ соціалистовъ;
взрывая Зимній дворецъ, нужно бы-
ло вмѣстѣ съ тѣмъ взорвать и
наши старыя анархическія и народ-
ническія традиціи. Но „ходъ идей"
и здѣсь отсталъ отъ „хода вещей",
и пока еще трудно предвидѣть, ко-
гда онъ, наконецъ, его нагонитъ. Не
рѣшаясь разорвать съ народничество-
мъ, новая фракція необходимо дол-
жна была прибѣгать къ фикці-
ямъ, приносящимъ съ собою хоть ка-
жущееся разрѣшеніе присущихъ ея
программѣ противорѣчій. Идея рус-
ской самобытности получила но-
вую переработку, и если прежде о-
на вела къ полному отрицанію политики, то теперь
оказывалось, что самобытность рус-
скаго общественнаго развитія имен-
но въ томъ и заключается, что
экономическіе вопросы рѣшались и
должны рѣшаться у насъ путем
государственнаго вмѣшательства.
Весьма распространенное у насъ въ
Россіи незнакомство съ экономиче-
скою исторіей Запада способство-

вало тому, что подобнаго рода „теоріи" никого не приводили въ изумленіе. Періодъ капиталистическаго накопленія въ Россіи противопоставлялся періоду свободной торговли на Западѣ, и неизбѣжное несходство этихъ двухъ фазисовъ развитія экономической жизни приводилось, какъ убѣдительнѣйшее доказательство, во первыхъ, нашей самобытности, а во вторыхъ обусловленной этой самобытностью цѣлесообразности „народовольческой программы".

Нужно-ли прибавлять, что наши революціонные писатели, как и большинство русскихъ писателей вообще, смотрѣли на „Западъ" съ точки зрѣнія еврейскаго мальчика въ извѣстномъ разсказѣ Вейнберга. Бѣдному школьнику весь свѣтъ казался подразделеннымъ на двѣ неравныя части: „Россію и за-границу", причемъ достойныя вниманія черты различія существовали для него лишь между этими „половинами" земнаго шара, — „за-граница" же представлялась ему совершенно однообразнымъ цѣлымъ. Русскіе „самобытные" пи-

сатели сдѣлали въ этой остроумной классификаціи географической лишь одно нововведеніе: они подраздѣлили „за-границу“ на Востокъ и Западъ и, не долго думая, принялись сравнивать этотъ послѣдній съ нашей „громкой державой“, игравшей при этомъ роль какой-то „Срединной Имперіи“. Историческое развитіе Италіи отождествлялось, такимъ образомъ, съ историческимъ развитіемъ Франціи, въ экономической политикѣ Англіи не усматривалось никакой разницы съ экономической политикой Германіи, дѣятельность Кольбера валилась въ одну кучу съ дѣятельностью Ричарда Кобдена, своеобразная „патріотическая“ физіономія Фридриха Листа терялась въ толпѣ „западно-европейскихъ“ политико-экономистовъ, рѣшившихся, по совѣту Тюрго, „забыть, что существуютъ на свѣтѣ государства, раздѣленныя границами и различно организованныя“. Какъ всѣ кошки въ темнотѣ кажутся сѣрыми и совершенно походятъ другъ на друга, такъ и общественныя отношенія различныхъ государствъ „Запада“ утрачивали всякія

намечены при странномъ свѣтѣ нашей самобытности. Очевидно было одно: „Франки" давно уже „обуржуазились", между тѣмъ какъ „храбрые Россы" сохранили невинность „первыхъ человѣковъ" и, въ качествѣ избраннаго народа, идутъ самобытнымъ путемъ къ своему спасенію. Чтобы достигнуть обѣтованной земли имъ нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что програмы русскихъ соціалистовъ стоятъ въ противорѣчіи съ научными положеніями западно-европейскаго соціализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическимъ образчикомъ фикцій, наскоро придуманныхъ для согласенія практической програмы „Народной Воли" съ народническими теоріями, было извѣстное пророчество о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ будутъ сторонниками соціальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права. Здѣсь теорія нашей самобытности дошла уже до Геркулесовыхъ столбовъ, за которыми ей

грозила гибель со стороны самаго простаго здраваго смысла. Народники „старой вѣры", твердо держась догмата „самобытности", допускали все-таки, что эта самобытность нуждается еще въ нѣкоторой окончательной отдѣлкѣ. Одни находили, что у русскаго народа находится еще въ слишкомъ зачаточномъ состоянiи бугорѣ... виноваты! - чувство храбрости и независимости; другiе стремились къ тому, чтобы реализировать самобытное настроенiе русскаго народа въ видѣ не менѣе самобытной революцiонной организацiи. Но всѣ одинаково признавали необходимость предварительной работы въ народѣ. Народовольцы пошли дальше. Въ передовыхъ статьяхъ первыхъ же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первыхъ, безплодна („биться въ народѣ, какъ рыба объ ледъ"), а во-вторыхъ, и излишняя, потому что 90% депутатовъ, сочувствующихъ соцiальной революцiи, болѣе чѣмъ достаточно для осуществленiя стремленiй русскихъ народниковъ. Программа „Народной Воли" не могла придать себѣ наро-

дническаго характера иначе, какъ доводя до абсурда всѣ характеристическія особенности народническаго міросозерцанія.

Въ этомъ и заключается отрицательная заслуга народовольческихъ фикцій. Онѣ будили критическую мысль русскихъ революціонеровъ, представляя имъ въ утрированномъ видѣ „самобытныя" черты ихъ народнической программы.

Но едва ли можно даже заводить рѣчь о положительной заслугѣ этихъ фикцій. Онѣ укрѣпляли временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности, но, сшитыя на живую нитку, онѣ не выдерживали ни малѣйшаго прикосновенія серьезной критики, и своимъ паденіемъ компрометтировали дѣло борьбы, которая велась подъ ихъ знаменемъ.

Нанеся своею практическою дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества и сдѣлавши такъ много для развитія революціоннаго движенія въ Россіи, Народная Воля не можетъ найти о-

признанія, да и не должна искать его, помимо современнаго научнаго соціализма. Но, чтобы стать на эту новую точку зрѣнія, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, так какъ теоретическіе промахи и пробѣлы этой программы не могли не придать ей извѣстной практической односторонности.

Прежде чѣмъ говорить, въ какомъ смыслѣ долженъ быть предпринятъ этотъ пересмотръ, постараемся — согласно нашему плану — выяснить отношеніе научнаго соціализма къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса.

II.

Но что такое научный соціализмъ? Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ то коммунистическое ученіе, которое начало вырабатываться въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ утопическаго соціализма подъ сильнымъ вліяніемъ гегелевской философіи, съ одной стороны, и классической экономіи — съ другой; то ученіе, которое впервые дало реальное объясненіе всему ходу развитія чело-

вѣческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиковъ буржуазіи и „во всеоружіи знанія своего вѣка" выступило на защиту пролетаріата. Это ученіе не только съ полной ясностью показало всю научную несостоятельность противниковъ соціализма, но, указывая ошибки, оно въ тоже время давало имъ историческое объясненіе и, такимъ образомъ, „привязывало къ своей тріумфальной колесницѣ каждое побѣжденное имъ мнѣніе." Какъ Дарвинъ обогатилъ біологію поразительно-простой и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научной теоріей происхожденія видовъ, такъ и основатели научнаго соціализма показали намъ въ развитіи производительныхъ силъ и въ борьбѣ этихъ силъ противъ отсталыхъ „общественныхъ условій производства" великій принципъ измѣненія видовъ общественной организаціи. Едва ли нужно говорить, кого считаемъ мы основателями этого соціализма. Заслуга эта безспорно принадлежитъ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, ученіе которыхъ именно такъ относится къ современному революціонному движе-

нію въ цивилизованномъ человѣчествѣ, какъ относилась когда-то, по словамъ одного изъ нихъ, передовая нѣмецкая философія къ освободительному движенію въ Германіи: оно составляетъ его голову, между тѣмъ, какъ пролетаріатъ составляетъ его сердце. Но само собой разумѣется, что развитіе научнаго соціализма еще не закончено и также мало можетъ остановиться на трудахъ Энгельса и Маркса, какъ теорія происхожденія видовъ могла считаться окончательно выработанной съ выходомъ въ свѣтъ главныхъ сочиненій англійскаго біолога. За установленіемъ основныхъ положеній новаго ученія должна послѣдовать детальная разработка относящихся къ нему вопросовъ, разработка, дополняющая и завершающая переворотъ, совершенный въ наукѣ авторами „Коммунистическаго Манифеста." Нѣтъ ни одной отрасли соціологіи, которая не пріобрѣтала бы новаго и чрезвычайно обширнаго поля зрѣнія, усвоивая ихъ философско-историческіе взгляды. Благотворное вліяніе этихъ взглядовъ и те-

перь уже начинаетъ сказываться въ области исторіи, права и такъ называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современнаго соціализма слишкомъ еще мало извѣстна у насъ въ Россіи, и потому мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько выписокъ, знакомящихъ съ нею читателя словами самого Маркса:

Ведя свою родословную между прочимъ „отъ Канта и Гегеля", научный соціализмъ является тѣмъ не менѣе самымъ смертельнымъ и рѣшительнымъ противникомъ идеализма. Онъ изгоняетъ его изъ его послѣдняго убѣжища – соціологіи, въ которой его принимали съ такимъ радушіемъ позитивисты. Научный соціализмъ предполагаетъ „матеріалистическое пониманіе исторіи", т. е. онъ объясняетъ духовную исторію человѣчества развитіемъ его общественныхъ отношеній (между прочимъ подъ вліяніемъ окружающей природы) Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія Вико, „ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей", а не наоборотъ. Глав-

ной же причиной того или иного склада общественных отношений, того или иного направления их развития, является состояние производительных сил и соответствующая им экономическая структура общества. „Въ своей общественной жизни люди натыкиваются, говоритъ Марксъ,*) на извѣстныя, необходимыя, независящія отъ их воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительных сил. Вся совокупность этих отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Соотвѣтствующій материальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія опредѣляютъ общественную жизнь людей, но наоборотъ, их общественная жизнь обусловливаетъ

собою ихъ понятія. Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ 18 столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи. На извѣстной ступени своего развитія, матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или - говоря юридическимъ языкомъ - съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ они до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или ме-

*) (Къ предисл. стр.) См. Zur Kritik der Politischen Oekonomie", Vorwort. ss. IV-VI

ніе быстро вся возвышающаяся надъ нимъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія существованія ихъ. Поэтому можно сказать, что человѣчество всегда ставитъ себѣ лишь исполнимыя задачи, ибо, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда оказывается, что самая задача является лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія.*

Теперь понятно, почему Марксъ и Энгельсъ отзывались съ такой презрительной насмѣшкой объ „истинныхъ соціалистахъ" Германіи конца сороковыхъ годовъ, ставившихъ въ отрицательное отношеніе къ борьбѣ нѣмецкой буржуазіи противъ абсолютизма и „проповѣдывавшихъ народной массѣ, что въ этомъ

буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но рискуетъ все потерять" Историческое ученіе Маркса и Энгельса представляетъ собою настоящую „алгебру революціи", какъ выразился когда-то Герценъ о философіи Гегеля. Поэтому они сочувствовали „всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній"; потому же они отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ и къ русскому движенію, сдѣлавшему Россію, по ихъ выраженію, передовымъ отрядомъ европейской революціи.

Но, не смотря на всю ихъ ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса годами, однако, поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ въ области революціонной теоріи и практики. Такъ, напр., у насъ часто говорятъ, что теоріи научнаго соціализма не примѣнимы къ Россіи, потому что онѣ выросли на почвѣ западно-европейскихъ экономическихъ отношеній. Ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно

тѣ-же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ. Подъ вліяніемъ убѣжденія въ неизбѣжности этого вывода, уже ни одинъ русскій философъ, незнакомый ни съ Марксомъ, ни съ исторіей Западной Европы, ополчался на автора „Капитала", обвиняя его въ узкости и шаблонности взглядовъ. Но, разумѣется, это была борьба съ вѣтряными мельницами. Наши Дон-Кихоты не понимали, что исторія западно-европейскихъ отношеній положена Марксомъ лишь въ основу исторіи капиталистическаго производства, которое родилось и выросло именно въ этой части свѣта. Общіе философско-историческіе взгляды Маркса имѣютъ ровно такое же отношеніе къ современной Зап. Европѣ, какъ къ Греціи и Риму, Индіи и Египту. Они обнимаютъ всю культурную исторію человѣчества и могутъ быть неприложимы къ Россіи только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни авторъ „Капитала", ни его защитники

другъ и сотрудникъ не исключаютъ изъ своего поля зрѣнія экономическихъ особенностей той или другой страны; они только ищутъ въ нихъ объясненія всѣхъ ея общественно-политическихъ и умственныхъ движеній. Что они не игнорируютъ значенія нашей поземельной общины, видно уже изъ того обстоятельства, что не далѣе какъ въ январѣ 1882 года, они не считали возможнымъ сдѣлать рѣшительное предсказаніе относительно ея будущей судьбы. Въ предисловіи къ нашему переводу „Манифеста коммунистической партіи" (Женева, 1882 г.) они даже прямо говорятъ, что русская община можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, „непосредственно перейти въ высшую, коммунистическую форму землевладѣнія". Эти обстоятельства стоятъ, по ихъ мнѣнію, въ тѣсной связи съ ходомъ революціоннаго движенія на западѣ Европы и въ Россіи. „Если русская революція – говорятъ они – послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополнятъ другъ друга, то современное русское

землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія" (Ман. ком. партіи. VIII) Едва ли хоть одному „народнику" придетъ въ голову отрицать такого рода условность рѣшенія вопроса объ общинѣ. Едва ли кто нибудь можетъ утверждать, что нетъ современнаго государства благопріятенъ для развитія или хотя бы для сохраненія поземельной общины. Точно также, едва ли хоть одинъ человѣкъ, понимающій значеніе международныхъ отношеній въ экономической жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ, можетъ отрицать, что развитіе русской общины „въ высшую коммунистическую форму" тѣсно связано съ судьбою рабочаго движенія на Западѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что во взглядѣ Маркса на Россію нѣтъ ничего противорѣчащаго самой очевидной дѣйствительности и немалый предразсудокъ относительно его крайняго „западничества" лишается всякой тѣни разумнаго основанія.

Но существуетъ другое недоразу-

мнѣніе, которое непосредственно касается интересующаго насъ вопроса о значеніи политической борьбы въ дѣлѣ переустройства соціальныхъ отношеній и коренится въ ошибочномъ пониманіи взгляда Маркса на роль экономическаго фактора въ развитіи человѣческой культуры. Взглядъ этотъ часто истолковывался многими въ томъ смыслѣ, что авторъ „Капитала" придаетъ политическому строю общества лишь самое ничтожное значеніе, считаетъ его незаслуживающею вниманія второстепенною частностью, которая не можетъ служить не только цѣлью, но даже и средствомъ плодотворной дѣятельности. Нерѣдко и до сихъ поръ можно встрѣтить у насъ „марксистовъ", которые именно на этомъ основаніи игнорируютъ политическія задачи соціализма. Экономическія отношенія, говорятъ они, лежатъ въ основаніи всякой общественной организаціи. Измѣненіе этихъ отношеній составляетъ причину всякаго политическаго переустройства. Чтобы освободиться отъ ига ка-

питала, рабочій классъ долженъ имѣть въ виду не слѣдствіе, а причину, не политическую, а экономическую организацію общества. Политическая агитація не приблизитъ рабочихъ къ ихъ цѣли, такъ какъ ихъ политическое порабощеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена экономическая зависимость ихъ отъ имущихъ классовъ. Употребляемыя рабочими средства борьбы должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ ея цѣлью. Экономическая революція можетъ быть достигнута только путемъ борьбы на экономической же почвѣ.

При нѣкоторой послѣдовательности, понимаемый такимъ образомъ „марксизмъ" долженъ былъ бы измѣнить самый взглядъ соціалистовъ на цѣли и средства соціальной революціи и вернуть ихъ къ знаменитой формулѣ Прудона: „политическая революція - цѣль, экономическая революція - средство". Точно также онъ долженъ былъ бы значительно сблизить, по крайней мѣ-

ръ въ теоріи, соціалистовъ-револю-
ціонеровъ съ послѣдователями „консе-
рвативнаго соціализма", который та-
къ рѣшительно противится поли-
тической самодѣятельности рабочаго
класса. Послѣдній честный и умный
представитель этого соціализма,
Родбертусъ, именно потому и не
сошелся съ Лассалемъ, что знамени-
тый агитаторъ старался выдви-
нуть нѣмецкихъ рабочихъ на путь
самостоятельной политической дѣя-
тельности. Не Марксъ, а Родбертусъ,
не революціонный, а консерватив-
ный, монархическій соціализмъ от-
рицаетъ значеніе „политическихъ
примѣсей къ экономическимъ цѣ-
лямъ" рабочаго класса. И консер-
ваторы прекрасно понимаютъ,
почему они такъ дѣлаютъ; но
тѣ, которые хотятъ примирить
революціонное движеніе рабочаго
класса съ отрицаніемъ „полити-
ка", тѣ, которые подсказываютъ
Марксу практическія тенденціи
Прудона или даже Родбертуса,-
наглядно показываютъ, что они
не понимаютъ автора „Капита-
ла" или сознательно извращаютъ
его ученіе. Мы говоримъ и созна-

тельномъ извращеніи, потому что извѣстная книга московскаго профессора, г. Иванюкова, есть ничто иное, какъ именно такое сознательное извращеніе всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Книга эта показываетъ, что наши русскіе полицей-соціалисты не прочь поэксплуатировать для своихъ реакціонныхъ цѣлей даже такую теорію, подъ знаменемъ которой совершаются самыя революціонныя движенія нашего вѣка. Одно это обстоятельство могло бы сдѣлать необходимымъ подробное выясненіе политической программы современнаго соціализма. Мы и приступимъ теперь къ этому выясненію, не пускаясь, однако, ни въ какую полемику съ г.г. Иванюковыми, такъ как достаточно выяснить истинный смыслъ той или другой теоріи, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть умышленныя ея искаженія. При томъ же насъ гораздо болѣе интересуютъ здѣсь тѣ революціонеры, которые, при всей искренности своихъ стремленій, сыш-

комъ еще пропитаны, хотя быть можетъ и безсознательно, анархическими ученіями, и потому готовы видѣть въ сочиненіяхъ Маркса мысли, извѣстныя только въ „Общей идеѣ революціи въ XIX вѣкѣ.
Критика выводовъ, сдѣланныхъ ими изъ философско-историческихъ взглядовъ Маркса логически приведетъ насъ къ вопросу о такъ называемомъ захватѣ власти, и покажетъ намъ, насколько правы тѣ, которые усматриваютъ въ этомъ актѣ какое то преступленіе противъ идеи человѣческой свободы, а равно и тѣ, которые, наоборотъ, видятъ въ немъ альфу и омегу всего соціально-революціоннаго движенія.

Посмотримъ прежде всего, какое значеніе имѣютъ понятія о причинѣ и слѣдствіи въ приложеніи къ общественнымъ отношеніямъ.

Если мы толкнемъ рукой или кіемъ билліардный шаръ, то он придетъ въ движеніе; если мы ударимъ сталью о кремень, то появится искра. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ очень легко опре-

дѣлить, какое явленіе служитъ причиной и какое — слѣдствіемъ. Но эта легкость рѣшенія задачи обусловливается лишь крайнею ея простотою. Если вмѣсто двухъ одиноко-стоящихъ случаевъ, мы возьмемъ процессъ, въ которомъ одновременно замѣчается нѣсколько явленій, или даже нѣсколько рядовъ явленій, то дѣло значительно усложнится. Такъ, напр., горѣніе свѣчи есть, относительно говоря, довольно сложный процессъ, въ результатѣ котораго является свѣтъ и теплота. Казалось бы, поэтому, что мы, безъ всякаго риска ошибиться, можемъ назвать выдѣляемую пламенемъ теплоту однимъ изъ слѣдствій этого химическаго процесса. Такъ оно и есть до извѣстной степени. Но если бы какимъ нибудь способомъ мы ухитрились лишить пламя выдѣляемой имъ теплоты, то горѣніе тотчасъ прекратилось бы, такъ какъ интересующій нас процессъ не можетъ происходить при обыкновенной температурѣ. Поэтому оказался бы правымъ до извѣстной степени и тотъ, кто сказалъ бы, что теплота есть причина горѣнія.

Чтобы не уклоняться отъ истины ни въ ту, ни въ другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся въ данный моментъ слѣдствіемъ горѣнія, въ слѣдующій за тѣмъ моментъ является его причиной. Значитъ, по отношенію къ процессу горѣнія въ продолженіи нѣсколькихъ моментовъ, мы должны сказать, что теплота является и слѣдствіемъ его и причиной, или другими словами, ни слѣдствіемъ, ни причиной, а просто однимъ изъ явленій, вызываемыхъ этимъ процессомъ и, въ свою очередь, составляющихъ необходимое для него условіе. Возьмемъ другой примѣръ. Всякому, „даже не обучавшемуся въ семинаріи", извѣстно, что такъ наз. растительные процессы человѣческаго организма оказываютъ огромное вліяніе на психическія явленія. То или другое настроеніе духа оказывается слѣдствіемъ того или другого физическаго состоянія организма. Но разъ существуетъ извѣстное настроеніе духа, то сами растительные процессы часто испы-

тываютъ на себѣ его вліяніе, и оно дѣлается, такимъ образомъ, причиной тѣхъ или другихъ измѣненій въ физическомъ состояніи организма. Чтобы и здѣсь не погрѣшить ни въ ту и ни въ другую сторону, мы должны сказать, что психическія явленія и растительная жизнь организма представляютъ собою два ряда сосуществующихъ процессовъ, при чемъ каждый изъ этихъ рядовъ испытываетъ вліяніе другого. И если бы какой нибудь медикъ сталъ игнорировать психическія вліянія на томъ основаніи, что душевное настроеніе человѣка есть слѣдствіе физическаго состоянія его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности къ разумной медицинской практикѣ.

Общественная жизнь отличается еще большей сложностью, чѣмъ жизнь индивидуальнаго организма. Поэтому въ ней еще болѣе замѣтна относительность понятій о причинѣ и слѣдствіи. По ученію классической экономіи, вы-

сота заработной платы опредѣляемая, въ среднемъ выводѣ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Значитъ, данная высота заработной платы есть слѣдствіе даннаго состоянія потребностей рабочаго. Но съ своей стороны, потребности эти могутъ повыситься лишь въ случаѣ повышенія заработной платы, потому иначе не было бы достаточной причины для измѣненія ихъ уровня. Слѣдовательно, данная высота заработной платы есть причина даннаго состоянія потребностей рабочаго. Изъ этого логическаго круга нельзя вырваться съ помощію школьныхъ категорій причины и слѣдствія. А мы будемъ попадать на него въ каждомъ шагу нашихъ соціологическихъ разсужденій, если забудемъ, что „причина и слѣдствіе суть понятія, имѣющія значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ; но разъ мы разсматриваемъ этотъ случай въ его общей мировой связи, то причина и слѣдствіе совпадаютъ, ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи взаимодѣй-

йствія всемірнаго, въ которомъ причина и слѣдствія постоянно мѣняются мѣстами и то, что теперь или здѣсь - слѣдствіе, станетъ там или тогда причиной и наоборотъ". (Фр. Энгельсъ).*)

Сдѣлавши эту оговорку, постараемся опредѣлить теперь, въ каком смыслѣ нужно понимать причинную связь между экономическими отношеніями и политическимъ строемъ даннаго общества.

Чему учитъ насъ, въ этомъ случаѣ, исторія? Она показываетъ намъ, что всегда и вездѣ, гдѣ процессъ экономическаго развитія вызывалъ расчленение общества на классы, - противорѣчие интересовъ этихъ классовъ неизбѣжно приводило ихъ къ борьбѣ за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующихъ классовъ, но также между этими классами, съ одной стороны, и народомъ - съ другой, если только послѣдний былъ поставлен въ условія, хоть немного благопріятныя для его умственнаго

*) Herrn Eugen Duehring's Umwaelzung der Wissenschaft, S. 6

развитія. Въ государствахъ древняго Востока мы видимъ борьбу между воинами и жрецами; весь драматизмъ исторіи античнаго міра заключается въ борьбѣ аристократіи и демоса, патриціевъ и плебеевъ; средніе вѣка выдвигаютъ горожанъ, которые стремятся завоевать политическое господство въ предѣлахъ своихъ коммунъ; наконецъ, современный рабочій классъ ведетъ политическую борьбу съ буржуазіей, достигшей полнаго господства въ новѣйшемъ государствѣ. Всегда и вездѣ политическая власть была рычагомъ, съ помощію котораго добившійся господства классъ совершалъ общественный переворотъ, необходимый для его благосостоянія и дальнѣйшаго развитія. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ исторію „третьяго сословія", этого класса, который съ гордостью можетъ смотрѣть на свое прошлое, полное блестящихъ завоеваній во всѣхъ отрасляхъ жизни и мысли. Едва ли кому нибудь можетъ придти въ голову упрекнуть буржуазію въ отсутствіи такта и умѣнья достигать своихъ цѣлей наиболѣе подходящими средствами. Никто не станетъ также отрицать, что ея стремленія имѣли-

вполнѣ опредѣленный экономическій характеръ. Это не помѣшало ей, однако, выступить на путь политической борьбы и политическихъ завоеваній. То съ оружіемъ въ рукахъ, то путемъ мирныхъ договоровъ, то во имя республиканской независимости своихъ городовъ, то во имя усиленія королевской власти — нарождающаяся буржуазія вела въ теченіи цѣлыхъ столѣтій безпрерывную, упорную борьбу съ феодализмомъ, и уже задолго до французской революціи могла съ гордостью указывать врагамъ на свои успѣхи. „Различны были шансы и неодинаковъ успѣхъ въ великой борьбѣ горожанъ противъ феодаловъ — говоритъ историкъ — *) и не только сумма вольностей, вырванныхъ силою или полученныхъ путемъ мирнаго соглашенія, была не повсюду одинакова, но даже при одніхъ и тѣхъ же политическихъ формахъ города пользовались часто различною степенью свободы и независимости". Тѣмъ не менѣе смыслъ движенія былъ тожественъ повсюду и знаменовалъ собою начало соціальной эманципаціи третьяго сосло-

*) См. Essai sur l'histoire du Tiers Etat, par Aug. Thierry, p. 33-34.

вія и упадка аристократіи, свѣтской и духовной.*) Въ общемъ это движеніе принесло горожанамъ „муниципальную независимость, право выбора всѣхъ мѣстныхъ властей, точную опредѣленность въ повинностяхъ", обеспечило права личности внутри городскихъ коммунъ**), дало буржуазіи болѣе высокое положеніе въ сословныхъ государствахъ „стараго режима" и ра-

*) Сторонники феодализма прекрасно понимали цѣли горожанъ и связь ихъ политическихъ и экономическихъ требованій. „Коммуна есть слово новое и гнусное - говоритъ аббатъ Гибертъ - и вотъ что оно означаетъ: люди, обязанные нести повинности, платятъ своему господину должную ими ренту одинъ только разъ въ годъ. Когда они совершаютъ какое нибудь преступленіе, они платятъ установленный закономъ штрафъ; а что касается денежныхъ обложеній, которымъ подвергаются обыкновенно крѣпостные, то они освобождаются отъ нихъ совершенно." Laurent, la feodalité et l'eglise, p. 546.

**) Лютихскій Статутъ устанавливаетъ принципъ неприкосновенности жилища въ слѣдующемъ энергическомъ выраженіи: „бѣднякъ въ своемъ жилищѣ - король." Laurent, ibid. p. 548.

домъ постоянныхъ завоеваній привело ее, наконецъ, къ полному господству въ современномъ обществѣ. Ставя себѣ совершенно опредѣленныя, хотя современемъ измѣняющіяся, соціально-экономическія цѣли, черпая средства для своей борьбы изъ существующихъ уже выгодъ своего матеріальнаго положенія, буржуазія не упустила ни одного случая дать правовое выраженіе достигнутымъ ею ступенямъ экономическаго процесса и, наоборотъ, съ такимъ же искусствомъ пользовалась каждымъ своимъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для новыхъ завоеваній въ области экономической жизни. Не далѣе, какъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, англійская „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ" добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдэна, усиленія своего политическаго вліянія въ „графствахъ" ради отмѣны ненавистной ей „монополіи", имѣвшей, повидимому, исключительно экономическій характеръ.

Исторія есть величайшій діалектикъ, и если, въ ходѣ ея движенія, разумъ превращается, по выраженію Мефистофеля, въ безсмыслицу, а бла-

годѣяніе становится источникомъ страданій,- то не менѣе часто въ историческомъ процессѣ слѣдствіе становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ. Выростая изъ экономическихъ отношеній современнаго ему общества, политическое могущество буржуазіи, въ свою очередь, служило и служитъ незамѣнимымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній.

Теперь, когда буржуазія близится къ окончанію своей исторической роли, и пролетаріатъ становится единственнымъ представителемъ прогрессивныхъ стремленій въ обществѣ, мы можемъ наблюдать явленіе, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при измѣнившихся условіяхъ. Во всѣхъ передовыхъ государствахъ цивилизованнаго міра, въ Европѣ также, какъ и въ Америкѣ, рабочій классъ выступаетъ на поприще политической борьбы, и чѣмъ сознательнѣе относится онъ къ своимъ экономическимъ задачамъ, тѣмъ рѣшительнѣе выдѣляется онъ въ особую политическую партію. „Такъ какъ существующія нынѣ политическія пар-

тiи всегда дѣйствовали лишь въ интересахъ имущихъ для охраненiя ихъ экономическихъ привилегiй - читаемъ мы въ программѣ Сѣверо-Американской соцiалистической рабочей партiи - то рабочiй классъ обязанъ организоваться въ большую рабочую партiю, чтобы добиться политической силы въ государствѣ и завоевать, съ ея помощью, экономическую независимость, потому что освобожденiе рабочаго класса можетъ быть совершено лишь самими рабочими."*) Въ томъ же духѣ, и вполнѣ согласно съ программой нѣмецкой соцiаль-демократiи, высказывается французская рабочая партiя, которая признаетъ, что пролетарiатъ долженъ стремиться къ экономической революцiи „всѣми зависящими отъ него средствами, не исключая и всеобщаго избирательнаго права, превращаемаго, такимъ образомъ, изъ орудiя обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, въ орудiе освобожденiя." Испанская рабочая партiя также стремится къ „завоеванiю политической власти" для устраненiя препятствiй, стоящихъ на пути

*) Von Studnitz, Nordamerikanische Arbeiterverhaeltnisse, S. 353.

къ освобожденію рабочаго класса.*)

Въ Англіи, гдѣ, со времени прекра-
щенія чартистскаго движенія, борь-
ба пролетаріата сосредоточивалась
исключительно на экономической поч-
вѣ, - политическія стремленія рабочих
начинаютъ снова оживать въ послѣ-
днее время. Не далѣе, какъ нѣсколь-
ко лѣтъ тому назадъ нѣмецкій
экономистъ Луйо Брентано съ тор-
жествомъ констатировалъ въ своей
книгѣ „Das Arbeitsverhältniss etc."
полное исчезновеніе „соціалъ-демокра-
тическихъ" тенденцій въ Англіи и съ
истинно-буржуазнымъ самодоволь-
ствомъ глубокомысленно философст-
вовалъ на ту тему, что „въ насто-
ящее время Англія снова образуетъ
одну націю", что „современные англій-
скіе рабочіе снова составили отъ часть
великой либеральной партіи, и не
стремятся къ захвату государствен-
ной власти, чтобы съ ея помощью
„перестроить общество въ своихъ инте-
ресахъ" (стр. 110). Опубликованный недав-
но манифестъ англійской „демокра-
тической федераціи" показываетъ, что
радость буржуазнаго экономиста бы-
ла нѣсколько преждевременна. Демо-
кратическая федерація стремится

вызвать политическое отдѣленіе эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ, и приглашаетъ первую изъ этихъ „націй" именно къ захвату государственной власти съ цѣлью переустройства общества въ интересахъ рабочихъ. „Пришло время - говоритъ названный манифестъ, - когда народная масса необходимо должна взять въ свои собственныя руки завѣдываніе касающимися ее дѣлами; политическая и соціальная сила представляетъ собою въ настоящее время монополію людей, живущихъ трудомъ своихъ согражданъ. Землевладѣльцы и капиталисты, завладѣвшіе Верхней Палатой и пополняющіе Нижнюю, стремятся лишь къ охраненію своихъ собственныхъ интересовъ. Возьмите свою судьбу въ свои собственныя руки, устраните этихъ богатыхъ паразитовъ обѣихъ группъ и разсчитывайте только на самихъ себя!" Манифестъ требуетъ „полнаго права голосованія для всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ" Соединеннаго Королевства и другихъ политическихъ реформъ, осуществленіе которыхъ „показало бы только, что мужчины и женщины

*) (Къ предъид. стр) Мы цитируемъ эту программу по книгѣ Б. Малона - Le nouveau parti, t. I, p. 15

этой страны стали господами у себя дома". Далѣе перечисляется, — въ качествѣ ближайшихъ требованій англійской демократической федераціи — цѣлый рядъ мѣръ, необходимыхъ для развитія „здороваго, независимаго и серьезно образованнаго поколѣнія, готоваго организовать трудъ каждаго на пользу всѣхъ и овладѣть, наконецъ, всей соціально-политической машиной государства, въ которомъ перестанутъ тогда существовать классовыя различія и привиллегіи."

Такимъ образомъ и англійскій пролетаріатъ снова выступаетъ на тотъ путь, на который давно уже вышли работники другихъ цивилизованныхъ государствъ.

Но подобно тому, какъ буржуазія не только боролась съ аристократіей на почвѣ существующихъ уже политическихъ отношеній, а стремилась также перестроить эти отношенія въ своихъ интересахъ, пролетаріатъ не ограничиваетъ свою политическую программу захватомъ современной государственной машины. Въ его средѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ томъ, что „каждый порядокъ вещей, опредѣляющій взаим-

ное положеніе граждан и ихъ имущественныя и трудовыя отношенія, соотвѣтствуютъ особой формѣ правленія, которая служитъ для него средствомъ осуществленія и сохраненія въ одно и тоже время".*) Между тѣмъ какъ представительная (монархическая или республиканская) система была дѣтищемъ буржуазіи, пролетаріатъ требуетъ прямого народнаго законодательства, какъ единственной политической формы, при которой возможно осуществленіе его соціальныхъ стремленій. Это требованіе рабочаго класса занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ соціальной демократіи всѣхъ странъ и стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣми остальными пунктами ея программы**). Вопреки Прудону, пролетаріатъ продолжаетъ смотрѣть на „политическую

*) См. Socialdemokratische Abhandlungen, von M. Rittinghausen, drittes Heft, ueber die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk. S. 3.

**) См. Программу нѣмецкой и сѣверо-американской рабочихъ партій. Манифестъ англійской демократической партіи также требуетъ „прямаго голосованія по всѣмъ важнымъ вопросамъ".

революціи", какъ на самое могущественное средство достиженія экономическаго переворота.

Уже одно это свидѣтельство исторіи должно было бы предрасположить насъ къ той мысли, что не ошибочная теорія, а вѣрный практическій инстинктъ лежитъ въ основѣ политическихъ тенденцій различныхъ общественныхъ классовъ. Если несмотря на полное несходство въ другихъ отношеніяхъ, всѣ классы, ведущіе сознательную борьбу съ своими противниками, начинаютъ, на извѣстной стадіи своего развитія, стремиться обезпечить себѣ политическое вліяніе, а затѣмъ и господство — то ясно, что политическій строй общества представляетъ собою далеко не безразличное условіе для ихъ развитія. А если мы видимъ, кромѣ того, что ни одинъ классъ, добившійся политическаго господства, не имѣетъ причинъ раскаиваться въ своемъ интересѣ къ „политикѣ"; если, напротивъ, каждый изъ нихъ достигалъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія лишь послѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ политическое господство, то мы должны признать, что

политическая борьба представляетъ собою такое средство соціальнаго переустройства, годность котораго доказана исторіей. Всякое ученіе, противорѣчащее этой исторической индукціи, лишается значительной доли убѣдительности, и если бы современный соціализмъ дѣйствительно осуждалъ политическія стремленія рабочаго класса, какъ нецѣлесообразныя, то уже по одному этому онъ не могъ бы называться научнымъ.

Провѣримъ теперь наше наведеніе дедуктивнымъ путемъ, принимая философско-историческіе взгляды Маркса за посылки для нашихъ выводовъ.

Представимъ себѣ общество, въ которомъ данный классъ пользуется полнымъ господствомъ. Онъ добился этого господства, благодаря преимуществамъ своего экономическаго положенія, которыя открываютъ, согласно нашимъ посылкамъ, путь ко всѣмъ другимъ успѣхамъ въ общественной жизни. Въ качествѣ господствующаго класса, онъ, разумѣется, приспособляетъ общественную организацію къ наиболѣе выгоднымъ условіямъ своего существованія и тщательно устраняетъ изъ нея все, что можетъ такъ

или иначе ослабить его влiянiе. „Господствующiй классъ каждаго даннаго перiода — справедливо говоритъ Шэрфле — есть также и творецъ его права и обычаевъ. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохраненiя, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно болѣе продолжительное время за своими потомками, какъ необходимое условiе ихъ привиллигированнаго положенiя и средство эксплуатацiи угнетенныхъ... Почти ни одна часть положительнаго права не пользуется такимъ почетомъ со стороны господствующихъ сословiй даннаго времени, ни одной не приписывается въ такой степени характеръ „вѣчныхъ" институтовъ или даже „священныхъ" основъ общества, какъ той, которая упрочиваетъ сословныя права и защищаетъ классовое господство." *) И до тѣхъ поръ, пока господствующiй классъ будетъ носителемъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ идеаловъ, созданный имъ строй будетъ удовлетворять всѣмъ требованiямъ соцiальнаго развитiя. Но какъ только

*) См. Шэффле, Bau und Leben des soc. Körpers. B. III ss. 91 u. 102.

экономическая исторія даннаго общества выдвинетъ новые элементы поступательнаго движенія, какъ только его производительныя силы придутъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства - или говоря юридическимъ языкомъ - съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались", прогрессивная роль господствующаго класса будетъ окончена. Изъ представителя прогресса онъ сдѣлается заклятымъ врагомъ его и, разумѣется, воспользуется государственной машиной съ цѣлью самообороны. Политическая власть сдѣлается въ его рукахъ самымъ могучимъ орудіемъ реакціи. Чтобы открыть свободный путь развитію производительныхъ силъ общества, необходимо устранить тормозящія это развитіе имущественныя отношенія, т. е. произвести, какъ говоритъ Марксъ, соціальную революцію. Но это невозможно до тѣхъ поръ, пока законодательная власть находится въ рукахъ представителей стараго порядка, т. е. говоря другими словами, охраняетъ интересы господствующаго класса. Неудивительно по-

этому, что новаторы, т. е. представители угнетеннаго класса или классовъ, будутъ стремиться выбить изъ рукъ своихъ противниковъ и обратить противъ нихъ это страшное оружіе. Сама логика вещей выдвинетъ ихъ на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются цѣлью экономическаго переворота. Лассаль сказалъ глубокую истину, когда замѣтилъ въ предисловіи къ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ", что „тамъ, гдѣ юридическія отношенія, переходя въ область частнаго права, теряютъ повидимому всякую связь съ политикой, въ нихъ оказывается гораздо болѣе политическаго, чѣмъ въ самой политикѣ, потому что они представляютъ собою тогда элементъ соціальный"*)

Въ практической жизни дѣло происходитъ, конечно, далеко не такъ скоро, какъ это можно было бы предположить, разсуждая à priori. Угнетенный классъ лишь постепенно уясняетъ себѣ связь между своимъ экономическимъ положеніемъ и своего

*) См. System der erworbenen Rechte, Leipzig 18[illegible]0, erster Theil, Vorrede s. VII.

политическою ролью въ государствѣ.
Долгое время онъ не понимаетъ во всей ея полнотѣ даже своей экономической задачи. Составляющіе его индивидуумы ведутъ тяжелую борьбу за свое повседневное существованіе, не задумываясь даже о томъ, какимъ сторонамъ общественной организаціи обязаны они своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Они стараются избѣгать наносимыхъ имъ ударовъ, не спрашивая себя, откуда и кѣмъ направляются, въ послѣднемъ счетѣ, эти удары. Въ нихъ нѣтъ еще классового сознанія, въ ихъ борьбѣ противъ отдѣльныхъ угнетателей нѣтъ никакой руководящей идеи. Угнетенный классъ еще не существуетъ для себя; онъ будетъ современемъ передовымъ классомъ общества, но онъ еще не становится имъ. Сознательно-организованной силѣ господствующаго класса противостоятъ лишь разрозненныя, единичныя стремленія отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ личностей. Такъ, напр., и теперь еще не рѣдкость встрѣтить рабочаго, который ненавидитъ особенно энергичнаго эксплуататора, но не по-

дозрѣваетъ еще необходимости борьбы противъ цѣлаго класса эксплуататоровъ и устраненія самой возможности эксплуатаціи человѣка человѣком.

Мало по малу процессъ обобщенія дѣлаетъ, однако, свое дѣло и угнетенные начинаютъ сознавать себя классомъ. Но они еще слишкомъ односторонне понимаютъ особенности своего классоваго положенія; пружины и двигатели общественнаго механизма, въ его цѣломъ, остаются еще скрытыми отъ ихъ умственныхъ взоровъ. Классъ эксплуататоровъ представляется имъ простою совокупностью отдѣльныхъ предпринимателей, не связанныхъ нитями политической организаціи. На этой ступени развитія въ понятіяхъ угнетенныхъ, какъ и въ головѣ профессора Лоренца фон-Штейна, не ясна еще связь между „обществомъ" и „государствомъ". Предполагается, что государственная власть стоитъ выше антагонизма классовъ, ея представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующихъ сторонъ. Угнетенный классъ относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и приходитъ въ большое удивленіе, когда обращенныя

къ нимъ съ его стороны просьбы о помощи остаются безъ отвѣта. Не останавливаясь на частныхъ примѣрахъ, мы замѣтимъ только, что подобная путаница понятій обнаруживалась до послѣдняго времени англійскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почвѣ и въ то же время находили возможнымъ фигурировать въ рядахъ той или другой буржуазной политической партіи.

Только на слѣдующей и послѣдней ступени развитія угнетенный классъ всесторонне выясняетъ себѣ свое положеніе. Теперь онъ понимаетъ, какая связь существуетъ между обществомъ и государствомъ, и не апеллируетъ на притѣсненія своихъ эксплуататоровъ къ тѣмъ, кто представляетъ собою политическій органъ той же эксплуатаціи. Онъ знаетъ, что государство есть крѣпость, служащая оплотомъ и защитой его притѣснителямъ, крѣпость, которой можно и должно овладѣть, которую можно и должно перестроить въ интересахъ своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ея нейтралитетъ. Разсчитывая лишь на самихъ себя, угнетенные начинаютъ понимать, что „политическая самостоятельность есть, какъ

говорит Ланге, важнѣйший изъ всѣхъ видовъ социальной самопомощи". Они стремятся тогда къ политическому господству, чтобы помочь себѣ путемъ измѣнения существующихъ социальныхъ отношений и приспособления общественнаго строя къ условиямъ своего собственнаго развития и благосостояния. Разумѣется, они тоже не вдругъ достигаютъ господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей въ умахъ противниковъ всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступокъ, требуютъ лишь такихъ реформъ, которыя дали бы имъ не господство, а только возможность расти и созрѣвать для будущаго господства, реформъ, которыя удовлетворили бы самыя насущныя, самыя ближайшия ихъ требования, и хоть немного расширили бы сферу ихъ влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдѣльные клочки неприятельской территории, угнетенный классъ приобрѣтаетъ настойчивость, смѣлость и развитие, необходимыя для рѣшительной битвы. Но разъ приобрѣтя эти качества, онъ можетъ смотрѣть на своихъ

противниковъ, какъ на классъ, окончательно осужденный исторіей; онъ можетъ уже не сомнѣваться въ своей побѣдѣ. Такъ называемая революція есть только послѣдній актъ въ длинной драмѣ революціонной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь по стольку, по скольку она дѣлается борьбою политической.

Спрашивается теперь, цѣлесообразно ли поступили бы соціалисты, если бы они стали удерживать рабочихъ отъ „политики" на томъ основаніи, что политическій строй общества обусловливается экономическими его отношеніями? Конечно, нѣтъ. Они лишили бы рабочихъ точки опоры для ихъ борьбы, отняли бы у нихъ возможность сконцентрировать свои усилія и направить свои удары на созданную ихъ эксплуататорами общественную организацію. Вмѣсто этого рабочимъ пришлось бы вести партизанскую войну съ отдѣльными эксплуататорами или, самое большее, съ отдѣльными группами этихъ эксплуататоровъ, на сторонѣ которыхъ всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку дѣлали русскіе соціалисты изъ

такъ называемой интеллигенціи, когда они порицали (въ 4. № Земли и Воли) „Сѣверно-русскій рабочій союзъ" за то, что онъ выставилъ въ своей программѣ извѣстныя политическія требованія. Ту-же ошибку повторило „Зерно", которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и т. п., даже убивать шпіоновъ и особенно нелюбимыхъ мастеровъ и предпринимателей, но ни однимъ словомъ не обмолвилось о политическихъ задачахъ русскихъ работниковъ. Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ соціалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индифферентизмъ рабочихъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести политическій итогъ соціаль-

нымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени безплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплуататоровъ. Къ счастію наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза редакціи „Земли и Воли“ (см. № 5 этого изданія) показалъ, что, по крайней мѣрѣ, члены этого союза раньше нашей „интеллигенціи“ поняли всю неумѣстность „политическаго невмѣшательства“ рабочаго класса.

Все это прекрасно, скажетъ иной читатель, но ваша аргументація не попадаетъ въ цѣль. Мы не отрицаемъ, что рабочему классу было бы полезно добиться политическаго вліянія и захватить государственную власть въ свои руки; мы утверждаемъ только, что въ настоящее время это невозможно для него по многимъ причинамъ. Ваша ссылка на исторію буржуазіи не доказательна, такъ какъ положеніе пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ во-все не сходно съ положені

емъ третьяго сословія въ государствахъ „стараго режима". Самъ Марксъ признаетъ это несходство и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ". „Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига средневѣковый крѣпостной возвысился — говоритъ онъ — до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, не смотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы съ прогрессомъ промышленности улучшать свое положеніе, опускается все ниже и ниже. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство буржуазныхъ странъ." Если каждый прогрессивный шагъ буржуазіи въ области производства и обмѣна сопровождался „соотвѣтствующими политическими завоеваніями", то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякому извѣстно, что улучшеніе матеріальнаго благосостоянія того или другого класса сопровождается возрастаніемъ его политическаго вліянія. Но именно тотъ фактъ, что политическія завое-

ванія буржуазіи предполагали увеличеніе ея богатства - именно этотъ фактъ и заставляетъ безнадежно смотрѣть на политическія движенія рабочаго класса. Все болѣе и болѣе превращаясь въ „нищихъ“, рабочіе должны, повидимому, утратить и ту долю вліянія, которую они пріобрѣли въ борьбѣ за интересы буржуазіи, „побивая враговъ своихъ враговъ, - остатки абсолютной монархіи, землевладѣльцевъ, непромышленную буржуазію“ и т. д. Политическая борьба рабочаго класса нецѣлесообразна, потому что въ силу экономическаго его положенія, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возраженіе это кажется, однако, на первый взглядъ, до такой степени рѣшительнымъ, что его невозможно обойти молчаніемъ. Оно является послѣднимъ основаніемъ аргументаціи тѣхъ сторонниковъ теоріи политическаго невмѣшательства, которые считаютъ себя послѣдователями Маркса. Поэтому съ его устраненіемъ теорія невмѣшательства падаетъ окончательно, и политиче-

скія задачи современнаго соціализма выступаютъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ.
Доля рабочаго класса въ національномъ продуктѣ постоянно уменьшается - это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ становится бѣднѣе не только относительно, но и абсолютно; его доходъ не только не возрастаетъ въ одинаковой прогрессіи съ доходомъ другихъ классовъ общества, но онъ падаетъ; реальная заработная плата современнаго пролетарія (количество достающихся ему предметовъ потребленія) меньше, чѣмъ была плата рабочаго 500 лѣтъ тому назадъ - это доказано изслѣдованіями Роджерса, Дюшатле и др. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ настоящее время экономическія условія менѣе благопріятны для политическаго движенія рабочаго класса, чѣмъ были они въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Мы говорили уже выше, что при такого рода оцѣнкѣ экономическихъ условій данной страны, нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго до-

хода, но, главнымъ образомъ, организацію производства и способъ обмѣна продуктовъ. Сила зарождавшейся буржуазіи заключалась не столько въ ея богатствѣ, сколько въ томъ общественно-экономическом прогрессѣ, носителемъ котораго она нѣкогда являлась. Не увеличенія ея дохода толкнуло ее на путь революціонной борьбы и обеспечило возрастаніе ея политическаго вліянія, а противорѣчіе между вызванными ею къ жизни производительными силами и тѣми условіями въ которыхъ совершались производство и обмѣнъ продуктовъ въ феодальном обществѣ. Сдѣлавшись представительницей прогрессивныхъ требованій въ этомъ обществѣ, она собрала подъ свое знамя всѣ его недовольные элементы и повела ихъ на борьбу противъ режима, ненавистнаго огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояніе рабочаго класса создало ей руководящую роль въ этомъ освободительномъ движеніи. Ея богатство, ея и тогда уже относительно довольно высокое общественное положеніе были, конечно, необходимы для

исполненія этой роли. Но чѣмъ обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нея вести дѣло разрушенія стараго порядка безъ помощи низшихъ слоевъ населенія. Здѣсь то и помогло ей ея богатство. Оно принесло ей вліяніе на ту самую массу, которая должна была сражаться за ея господство. Не будучи богатой, буржуазія не была бы и вліятельной, а безъ вліянія на народъ она не побѣдила бы аристократіи, потому что она была сильна не собственною силою, а той силой, надъ которой она уже господствовала и которой она повелѣвала, благодаря своимъ капиталамъ. Спрашивается теперь, возможно ли для пролетаріата такое вліяніе на какой нибудь другой классъ населенія, и нужно ли оно для его торжества? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы услышать рѣшительное „нѣтъ“ отъ всякаго, понимающаго современное положеніе рабочаго класса. Пролетаріату невозможно вліять на другіе классы такъ, какъ вліяла когда-то на него буржуазія, по той простой причинѣ, что нѣтъ

тическихъ классовъ: онъ представляетъ собою самую послѣднюю формацію современнаго общества. Да ему и не нужно добиваться такого вліянія, потому что онъ, въ тоже время, есть самый многочисленный слой этого общества, потому что, вмѣстѣ съ другими слоями трудящагося населенія, онъ всегда былъ именно тою средою, вмѣшательство которой рѣшало политическіе споры. Говорим - самый многочисленный классъ, потому что всѣ „прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются, съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне - всѣ они борятся противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь по стольку, посколь-ку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, посколь-ку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, по скольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія про-

летаріата"

Прежде рабочій классъ побѣждалъ, со стоя подъ начальствомъ буржуазіи, и только наивно дивился тому стран ному обстоятельству, что почти всѣ трудности борьбы падаютъ на его долю, между тѣмъ какъ почти всѣ выгоды и почести побѣды доста ются его союзницѣ. Теперь онъ не дово льствуется этой служебной ролью и обращаетъ противъ буржуазіи ту самую силу, которая нѣкогда при несла ей побѣду. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возра сла и продолжаетъ возростать въ той же пропорціи, въ какой соверша лись и совершаются концентраціи капиталовъ и распространеніе кру пнаго производства. Она возросла, кромѣ того, въ той самой мѣрѣ, въ какой умножился политическій опытъ рабочаго класса, выведеннаго самой буржуазіей на арену общест венной дѣятельности. Можно ли со мнѣваться, что пролетаріатъ, ока завшійся нѣкогда достаточно си льнымъ, чтобы разрушить феодаль ный абсолютизмъ подъ руководств омъ буржуазіи, будетъ современемъ до статочно силенъ, чтобы сломить

политическое господство буржуазіи по своей собственной иниціативѣ? Буржуазія могла побѣдить феодализмъ, лишь благодаря своему богатству, пролетаріатъ побѣдитъ буржуазію именно потому, что его удѣлъ, — „нищета,“ становится удѣломъ все большей и большей части современнаго общества.
Но въ исторіи развитія буржуазіи богатство оказало ей и другую и притомъ весьма „производительную услугу,“ какъ выразились бы ея экономисты. Оно дало ей знаніе, сдѣлало ее самымъ передовымъ и образованнымъ слоемъ тогдашняго общества. Можетъ ли пролетаріатъ пріобрѣсти это знаніе, можетъ ли онъ быть одновременно и самымъ бѣднымъ и самымъ развитымъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ? Политическое господство невозможно для него внѣ этого условія, потому что безъ знанія — нѣтъ силы!
Мы говорили уже, что сама буржуазія начала политическое воспитаніе пролетаріата. Она заботилась объ его образованіи, по скольку это было нужно ей для борьбы съ ея врагами. Она расшатала его религіозныя вѣрованія тамъ, гдѣ это

было необходимо для ослабленія политическаго значенія духовенства; она расширила его правовыя воззрѣнія тамъ, гдѣ ей нужно было противопоставить „естественное" право писанному праву сословнаго государства. Теперь сталъ на очередь экономическій вопросъ, и политическая экономія играетъ теперь — по выраженію одного очень умнаго нѣмца — такую же важную роль, какую играло въ XVIII столѣтіи естественное право. Захочетъ ли буржуазія быть руководительницей рабочаго класса при изслѣдованіи отношеній труда къ капиталу, этого вопроса изъ вопросовъ всей общественной экономіи? Она неохотно беретъ на себя даже эту выгодную для нея роль, потому что подымать этотъ вопросъ значитъ уже угрожать ея господству. Да и можетъ ли она выполнить эту роль хотя бы такъ, какъ она выполнила ее когда то по отношенію къ религіи и праву? Нѣтъ! Ослѣпленные интересами своего класса, ея ученые представители давно уже утратили всякую способность къ объективному, научному изслѣдованію общественныхъ вопросовъ. Въ

этомъ и заключается вся тайна современнаго упадка буржуазной экономіи. Рикардо былъ послѣднимъ экономистомъ, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имѣлъ достаточно ума, чтобы понять діаметральную противоположность интересовъ труда и капитала. Сисмонди былъ послѣднимъ экономистомъ-буржуа, у котораго было достаточно чувства, чтобы нелицемѣрно оплакать этотъ антагонизмъ. Послѣ нихъ общія, теоретическія изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ утратили, большей частью, всякое научное значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить исторію политической экономіи со временъ Рикардо и полюбоваться произведеніями Бастіа, Кэри, Леруа-Болье или хотя бы современныхъ катедеръ-соціалистовъ. Изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей буржуазные экономисты превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ военными цѣлями самое зданіе науки. Но, не смотря на эти воинственныя упражненія,

они отступаютъ безпрерывно и оставляютъ въ рукахъ непріятелей ту научную территорію, на которой они когда-то властвовали безконтрольно. Въ настоящее время люди, совершенно чуждые какихъ бы то ни было „демагогическихъ" стремленій, увѣряютъ, будто рабочіе „лучше какого нибудь Пр. Смита и Фаухера способны усвоивать самыя абстрактныя понятія" въ экономической наукѣ. Такъ думалъ наприм. человѣкъ, имя котораго пользуется огромнымъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ экономистовъ, но который съ своей стороны питалъ къ нимъ самое глубокое презрѣніе. „Мы смотримъ на рабочихъ, какъ на дѣтей,- прибавлялъ этотъ человѣкъ,- между тѣмъ как они переросли уже насъ на цѣлую голову."

Но нѣтъ ли въ его словахъ преувеличенія? Можетъ ли рабочій классъ понимать „абстрактные" вопросы общественной экономіи и соціализма не говоримъ уже лучше, но также, какъ люди, затратившіе цѣлые десятки лѣтъ на свое образованіе?

На чемъ основываются положенія современнаго научнаго соціализма?

представляютъ-ли они собою измышленія какого нибудь досужаго благодѣтеля человѣческаго рода, или являются обобщеніемъ тѣхъ самыхъ явленій, съ которыми мы всѣ такъ или иначе сталкиваемся въ своей ежедневной жизни, объясненіемъ тѣхъ самыхъ законовъ, которыми опредѣляется наше участіе въ производствѣ, обмѣнѣ или просто въ распредѣленіи продуктовъ? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, тотъ согласится, что рабочій классъ имѣетъ много шансовъ для правильнаго пониманія „самыхъ абстрактныхъ" законовъ общественной экономіи, для усвоенія самыхъ отвлеченныхъ положеній научнаго соціализма. Трудность пониманія законовъ той или другой науки обусловливается неполнымъ знакомствомъ съ данными, лежащими въ основаніи этихъ законовъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь объ явленіяхъ повседневной жизни, гдѣ научный законъ обобщаетъ лишь каждому извѣстные случаи, тамъ люди практическаго дѣла не только отлично понимаютъ теоретическія положенія, но и могутъ иногда научить самихъ те-

оретиковъ. Спросите сельскаго хозяина о вліяніи отдаленности рынка на цѣну его продуктовъ или плодородія почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о вліяніи расширенія сбыта на удешевленіе производства. Спросите рабочаго, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убѣдитесь, что всѣ эти люди знаютъ Рикардо, никогда не видавши даже обертки его сочиненій. А вѣдь эти вопросы пользуются репутаціей весьма сложныхъ и „абстрактныхъ" вопросовъ; вѣдь по поводу ихъ прописаны цѣлыя моря чернилъ, написано такое огромное количество томовъ, что, приступая къ изученію экономической науки, можно ужаснуться этихъ вороховъ печатной бумаги. Итакъ во всемъ, во всѣхъ частяхъ общественной экономіи! Возьмите хоть теорію мѣновой стоимости. Въ двухъ словахъ вы можете объяснить рабочему, чѣмъ и как она опредѣляется; а вотъ многіе изъ т. г. буржуазныхъ экономистовъ до сихъ поръ не хотятъ или не могутъ понять этой весьма простой теоріи, и впадаютъ, въ спорахъ о

ній, въ такія грубыя логическія ошибки, за которыя ни одинъ учитель ариѳметики не постѣснился бы поставить единицу ученику „младшаго возраста". Поэтому мы и думаемъ, что цитированный нами писатель былъ правъ, что въ настоящее время единственною понятливою аудиторіею по жгучимъ соціальнымъ вопросамъ можетъ быть только аудиторія, состоящая изъ пролетаріевъ или людей, ставшихъ на точку зрѣнія пролетаріата. А разъ усвоены основныя положенія общественной экономіи,- пониманіе научнаго соціализма не представляетъ уже трудности: рабочій и здѣсь будетъ слѣдовать лишь указаніямъ своего практическаго опыта. Эта сторона дѣла прекрасно выяснена самимъ Марксомъ. „Если пролетаріатъ провозглашаетъ разложеніе всего современнаго порядка - читаемъ мы въ его „Критикѣ гегелевской философіи права" - то онъ высказываетъ лишь тайну своего собственнаго существованія, потому что оно есть фактическое разложеніе этого порядка. Если пролетаріатъ требуетъ отрицанія частной собственности, то этимъ онъ

только возводитъ на степень обществе
ннаго принципа то, что уже возведе-
но въ его принципъ самимъ общест
вомъ, что воплотилось уже въ немъ,
какъ отрицательный общественный
результатъ, безъ всякаго содѣйствія
съ его стороны." *)

Мы видимъ, стало быть, что про
летаріатъ не нуждается въ мате
ріальномъ богатствѣ, чтобы разви
ться до пониманія условій своего
освобожденія. Его нищета, - обуслов-
ленная не бѣдностью и дикостью об-
щества, а недостатками общественной
организаціи, - такая нищета не толь
ко не затрудняетъ, но облегчаетъ по
ниманіе этихъ условій.

Законы распредѣленія продуктовъ
въ капиталистическомъ обществѣ въ
высшей степени не благопріятны для
рабочаго класса. Но свойственныя
капитализму организація произво
дства и форма обмѣна впервые
создаютъ и объективную и субъек-
тивную возможность эманципаціи
трудящихся. Капитализмъ расши
ряетъ міросозерцаніе рабочаго, унич-
тожаетъ всѣ предразсудки, унасл-

*) См. Deutch-Franzoesische Jahrbuecher, 1 u. 2 Lieferung, s.s. 84-85.

дованные имъ отъ стараго общест-
ва; онъ толкаетъ его на борьбу и
въ тоже время обезпечиваетъ побѣду,
увеличивая его численный составъ
и предоставляя въ его распоряженіе
экономическую возможность органи-
заціи царства труда. Развитіе
техники увеличиваетъ власть чело-
вѣка надъ природой и поднимаетъ
производительность труда до такой
степени, что обязательность его не мо-
жетъ послужить препятствіемъ, но,
наоборотъ, явится необходимымъ усло-
віемъ всесторонняго развитія всѣхъ
членовъ соціалистическаго общества.
Въ тоже время, характеризующая
капитализмъ соціализація производ-
ства прокладываетъ путь для обра-
щенія въ общую собственность его
средствъ и продуктовъ. Акціонерн[illegible]
панія, эта высшая въ настоящее
время форма организаціи промыш-
ленныхъ предпріятій, устраняютъ
капиталистовъ отъ всякой акти-
вной роли въ экономической жизни
общества и превращаютъ ихъ въ
трутней, исчезновеніе которыхъ не
можетъ произвести ни малѣйшаго
замѣшательства въ ходѣ этой жиз-
ни. Если дѣятельному роду майор

довъ удалось нѣкогда безъ труда свергнуть съ престола обвѣтшившуюся королевскую династію - говоритъ консерваторъ Родбертусъ; - то почему бы живая и энергичная организація рабочихъ (служебный персоналъ компаній составляютъ квалифицированные работники), почему бы такая организація не была въ состояніи устранить современемъ собственниковъ, превратившихся въ простыхъ рентьеровъ?.. А между тѣмъ капиталъ уже не можетъ свернуть съ этой дороги! Переживши періодъ расцвѣта, капиталъ превращается въ своего собственнаго могильщика!"

Почему бы, спросимъ мы въ свою очередь, та самая организація рабочихъ, которая будетъ въ состояніи устранить собственниковъ, сдѣлавшихся простыми рентьерами", почему бы такая организація не въ состояніи была захватить въ свои руки государственную власть и добиться, такимъ образомъ, политическаго господства? Вѣдь первое предполагаетъ второе: „устранить собственниковъ можетъ только такая организація, которая въ состоя-

янія преодолѣть ихъ политическое сопротивленіе.

Но и это не все; существуютъ другія общественныя явленія, которыя также увеличиваютъ вѣроятность политической побѣды пролетаріата.

„По мѣрѣ развитія крупной промышленности, цѣлые слои господствующаго класса переходятъ въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-

-идеологи, которые возвысились до теоретическаго понимания всего хода историческаго движения."

У негровъ сѣверной Гвинеи есть одна въ высшей степени замѣчательная легенда. По словамъ этой легенды, „богъ призвалъ къ себѣ однажды двухъ сыновей первой человѣческой пары. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой - чернокожий. Положивши передъ ними кучу золота и книгу, богъ приказалъ черному брату, как старшему, выбирать любой изъ этихъ предметовъ. Тотъ выбралъ золото, и младший братъ получилъ, такимъ образомъ, книгу. Неизвѣстная сила немедленно перенесла его тогда, вмѣстѣ съ книгой, въ отдаленную и холодную страну. Но благодаря своей книгѣ, онъ сдѣлался ученымъ и сталъ страшенъ и силенъ. Старший же братъ остался на родинѣ и прожилъ достаточно долго, чтобы увидѣть, насколько наука выше богатства."

Буржуазия обладала когда то и знаниемъ и богатствомъ. Въ противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владѣние и золотомъ и

книгой, потому что во всѣ человѣческ
ихъ обществъ, исторія, не признавъ
правъ несовершеннолѣтнихъ клас
совъ и отдаетъ ихъ въ опеку ихъ
старшихъ братьевъ. Но настало
время, когда обдѣленный исторіей
рабочій классъ вышелъ изъ дѣтск
аго возраста и буржуазіи пришл
ось съ нимъ дѣлиться. У нея ося
лось золото, между тѣмъ какъ ея
младшій братъ получилъ „книгу,"
благодаря которой онъ, несмотря
на мракъ и холодъ своихъ подва-
ловъ, сталъ и теперь уже „силенъ
и страшенъ." Мало по малу науч-
ный соціализмъ вытѣсняетъ бур
жуазныя теоріи со страницъ этой
магической книги, и скоро пролета
ріатъ прочтетъ въ ней, какъ заво
евать ему матеріальное доволь-
ство. Тогда онъ сброситъ съ себя
позорное иго капитализма и пока
жетъ буржуазіи, „насколько нау-
ка выше богатства."

III

Въ первой главѣ мы старались
исторически объяснить возникнове-
ние того убѣжденія, что соціализ
мъ не совмѣстимъ ни съ какой

политикой". Мы видѣли, что въ основѣ этого убѣжденія лежало прудоновско-бакунинское ученіе о государствѣ - съ одной стороны - и нѣкоторая непослѣдовательность нашихъ соціаль-демократовъ семидесятыхъ годовъ - съ другой. Кромѣ того, оно встрѣчало поддержку въ общемъ колоритѣ того фона, на которомъ выдѣлялись оба вышеназванныя направленія. Фонъ этотъ состоялъ, как мы сказали словами Энгельса, изъ смѣси различныхъ ученій различныхъ основателей соціалистическихъ сектъ. Извѣстно, что соціалисты утописты относились совершенно отрицательно къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса, въ которыхъ они видѣли „лишь слѣпое невѣріе въ новое евангеліе". Этотъ отрицательный взглядъ на „политику" былъ занесенъ къ намъ вмѣстѣ съ ученіями утопистовъ. Задолго до начала сколько нибудь сильнаго революціоннаго движенія въ Россіи, наши соціалисты готовы были - подобно „истиннымъ" соціалистамъ Германіи конца сороковыхъ годовъ (См. Комун. Ман., стр. 32) - расточать традиціонныя проклятія

либерализму, представительному правленію, буржуазной конкурренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству", совершенно забывая, что всѣ эти нападки" имѣютъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей", т.е. именно тѣ условія, о завоеваніи которыхъ только еще должна пойти рѣчь въ нашемъ отечествѣ. *)

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній получилась такая твердая увѣренность въ неумѣстности всякой политической борьбы, помимо борьбы революціонной въ узкомъ и вульгарномъ значеніи этого слова, что мы стали съ предубѣжденіемъ смотрѣть на тѣ соціалистическія партіи Западной Европы, которыя видѣли, напримѣръ, въ избирательной агитаціи лучшее средство воспитанія и организаціи рабочихъ массъ. Всѣ сдѣланныя путемъ этой агитаціи политическія и экономическія пріобрѣтенія казались намъ непростительнымъ оппортюнизмомъ, гибельной

сдѣлкой съ демономъ буржуазнаго государства, равносильной отказу отъ блаженства въ будущей соціалистической жизни. Мы и сами не замѣчали, что наши теоріи завели насъ въ заколдованный кругъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Мы считали поземельную общину исходной точкой соціально-экономическаго развитія Россіи, и въ то же время самое, отказываясь отъ политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путемъ государственнаго вмѣшательства, отъ разрушительныхъ вліяній настоящаго времени. Мы должны были, такимъ образомъ, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающаго тотъ самый фундаментъ, на которомъ мы хотѣли строить зданіе будущаго.

Мы видѣли, однако, что логика событій вывела русское движе-

*) (Къ предыд. стр.) Сказанное не относится, впрочемъ, къ группѣ, издававшей „Народное Дѣло" въ Женевѣ, группѣ, не однократно заявлявшей свое отрицательное отношеніе къ „теоріи политическаго невмѣшательства".

ніе на другую дорогу, и заставила русскихъ революціонеровъ, въ лицѣ партіи „Народной Воли", добиваться политическаго вліянія и даже господства, какъ одного изъ самыхъ могучихъ факторовъ экономической революціи. Мы видѣли также, что выступая на эту дорогу, наше движеніе выростало на столько, что соціально-политическія теоріи различныхъ разновидностей прудонизма оказались для него слишкомъ узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ходъ „вещей" пришелъ въ столкновеніе съ ходомъ господствовавшихъ въ нашей революціонной средѣ „идей", и тѣмъ вызвалъ новое умственное теченіе.

Это новое умственное теченіе, сказали мы дальше, до тѣхъ поръ не отдѣлается отъ свойственныхъ ему теперь противорѣчій, пока не сольется съ несравненно болѣе глубокимъ и широкимъ теченіемъ современнаго соціализма. Русскіе революціонеры должны стать на точку зрѣнія соціальной демократіи Запада и разорвать свою связь съ „бунтарскими" теоріями также, какъ они уже

нѣсколько лѣтъ тому назадъ отка-
зались отъ „бунтарской" практики,
вводя новый, политическій, элементъ
въ свою программу. Сдѣлать это
имъ не трудно, если они постара-
ются усвоить себѣ правильный
взглядъ на политическую сторону
ученія Маркса и захотятъ подвер-
гнуть пересмотру пріемы и ближа-
йшія задачи своей борьбы, прилага-
я къ нимъ этотъ новый критерій.
Мы видѣли уже во второй гла-
вѣ, къ какимъ ложнымъ выводамъ
подали поводъ философско-истори-
ческія посылки современнаго соціа-
лизма. Сама „Народная Воля" не за-
мѣчала, повидимому, ошибочности
этихъ выводовъ и склонна была
„даже къ защитѣ соціологической
точки зрѣнія Дюринга о преобла-
дающемъ вліяніи политико-юриди-
ческаго элемента общественнаго
строя на экономическій", какъ выра-
зился П. Л. Лавровъ, характеризуя
новѣйшія направленія въ русскомъ
революціонномъ движеніи *). Только
этою склонностью и можно объяс-

*) См. статью „Взглядъ на прошедшее
и настоящее русскаго соціализма",
Календарь Н. В., стр. 109.

нить содержащуюся во внутреннем обозрѣніи № 6-го „Народной Воли" пол-емику противъ какихъ то „непосредственныхъ толкователей исторической теоріи Маркса", основывающихъ свой взглядъ, по словамъ автора, „главнымъ образомъ на извѣстной ~~Гегеля~~ тріадѣ, не имѣющихъ „иного индуктивнаго матеріала" для своихъ выводовъ и объясняющихъ „Гегелевъ законъ въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи приведетъ къ хорошему." Достаточно познакомиться съ программой нѣмецкихъ соціаль-демократовъ или французскихъ коллективистовъ, чтобы видѣть, какъ понимаютъ „историческую теорію Маркса" его западно-европейскіе послѣдователи и, если угодно, „непосредственные толкователи." Съ своей стороны, мы можемъ увѣрить нашихъ русскихъ товарищей, что эти „толкователи" понимаютъ „Гегелевъ законъ" вовсе не „въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи, приведетъ къ хорошему," и къ тому же пользуются имъ какъ „индуктивнымъ матеріаломъ" лишь при изученіи

исторія нѣмецкой философіи, въ которой этотъ законъ занимаетъ весьма видное мѣсто и изъ которой его, во всякомъ случаѣ, не выкинешь, какъ не выкинешь, по народному выраженію, слова изъ пѣсни. Цитированное нами мѣсто есть почти буквальное повтореніе словъ Дюринга, упрекавшаго Маркса въ томъ, что въ его исторической схемѣ „гегелевское отрицаніе отрицанія играетъ, за недостаткомъ лучшихъ и болѣе ясныхъ средствъ, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдетъ изъ нѣдръ настоящаго"*) Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившаго все научное ничтожество произведеній бывшаго берлинскаго доцента. Зачѣмъ же повторять чужія ошибки и становиться на такомъ шаткомъ основаніи, въ отрицательное отношеніе къ величайшей и самой революціонной общественной теоріи XIX вѣка? Вѣдь безъ революціонной теоріи нѣтъ революціоннаго движенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякій классъ, стремящійся къ

*) См. „Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Socialismus", dritte Auflage, s. 498.

своему освобожденію, всякая политическая партія, добивающаяся господства, - революціонны лишь постольку, поскольку они представляютъ собой наиболѣе прогрессивныя общественныя теченія, а слѣдовательно являются носителями наиболѣе передовыхъ идей своего времени. Революціонная, по своему внутреннему содержанію, идея есть своего рода динамитъ, которого не замѣнятъ никакія взрывчатыя вещества въ мірѣ. И пока наше движеніе будетъ происходить подъ знаменемъ отсталыхъ или ошибочныхъ теорій, оно будетъ имѣть революціонное значеніе лишь нѣкоторыми, но далеко не всѣми своими сторонами. Въ тоже время оно, без вѣдома своихъ участниковъ, будетъ носить въ себѣ зародыши реакціи, которые лишатъ его и этой доли значенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, потому что, какъ сказалъ еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюмъ
Потребенъ для новаго дѣла.

А вѣдь настанетъ же, наконецъ, оно, это дѣйствительно „новое" время и для нашего отечества!

Впрочемъ, невѣрное пониманіе тѣхъ

или другихъ положеній современнаго соціализма не составляетъ еще главнаго препятствія для окончательнаго выхода нашего революціоннаго движенія на путь, проложенный рабочимъ классомъ Запада. Ближайшее знакомство съ литературой „марксизма" покажетъ нашимъ соціалистамъ, какого могучаго оружія лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорію великаго учителя „пролетаріевъ всѣхъ странъ." Они убѣдятся тогда, что наше революціонное движеніе ни только ничего не потеряетъ, но, напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи, которыя правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая изъ нихъ выражаетъ извѣстную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствіе для развитія нашего движенія въ только что указанномъ направленіи. Оно заключается въ томъ отсутствіи у

нiя политическаго глазомѣра, которое съ самаго начала движенiя мѣшало нашимъ революцiонерамъ привести свои ближайшiя задачи въ соотвѣтствiе съ своими силами, и которое обусловливается ничѣмъ другимъ, какъ недостаткомъ политическаго опыта у русскихъ общественныхъ дѣятелей. Отправлялись ли мы въ народъ съ цѣлью распространенiя соцiалистическихъ изданiй, селились ли мы въ деревняхъ для организацiи протестующихъ элементовъ нашего крестьянства, вступали ли мы въ непосредственную борьбу съ представителями абсолютизма, мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ расчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленiя общественной среды, и торопились возвести временно благопрiятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствiя въ универсальный принципъ, исключающiй всѣ другiе способы и прiемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсiи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незна-

чительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ. Чуть не каждые два года мѣняли мы эти програмы, и не могли остановиться на чемъ либо прочномъ, потому что всегда останавливались на чемъ нибудь узкомъ и одностороннемъ. Подобно тому, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, русское общество, не имѣя еще литературы, пережило уже всѣ литературныя направленія, русское соціалистическое движеніе, не сдѣлавшись еще движеніемъ нашего рабочаго класса, успѣло уже перепробовать всѣ возможные оттѣнки западноевропейскаго соціализма.

Предпринятая „Народной Волей" борьба съ абсолютизмомъ, - выдвигая нашихъ революціонеровъ на болѣе широкій путь дѣятельности, заставляя ихъ стремиться къ созданію дѣйствительной партіи, - будетъ безъ всякаго сомнѣнія, сильно содѣйствовать устраненію односторонности кружковъ. Но чтобы прекратить эту постоянную смѣну програмъ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ привычекъ политическихъ номадовъ и пріобрѣсти, наконецъ, умственную осѣдлость, русскіе рево

люціонеры должны довести до кон
ца дѣло критики, начавшееся съ воз
никновеніемъ въ ихъ средѣ сознатель
ныхъ политическихъ тенденцій. Они
должны стать въ критическое от-
ношеніе къ той самой программѣ,
которая сдѣлала необходимой кри
тику всѣхъ прежнихъ программъ
и теорій. „Партія Народной Воли"
есть дитя переходнаго времени. Ея
программа есть послѣдняя прогр
амма, родившаяся при тѣхъ усло-
віяхъ, которыя дѣлали нашу одно
сторонность неизбѣжнымъ и пото-
му законнымъ явленіемъ. Расширяя
политическій горизонтъ русскихъ со-
ціалистовъ, программа эта сама не
свободна еще отъ односторонности.
Въ ней также замѣтно отсутствіе
политическаго глазомѣра, способно-
сти сообразовать ближайшія цѣли
партіи съ ея дѣйствительными
или возможными силами. Партія
Нар. В. напоминаетъ человѣка, иду-
щего по настоящей дорогѣ, но еще
не имѣющаго понятія о разстояні
яхъ и потому увѣреннаго въ томъ,
что онъ тотчасъ же можетъ „верстъ
сто тысячъ отмахать и нигдѣ не
отдыхать". Практика разрушитъ,

разумѣется, его иллюзію, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Не лучше ли ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные шаги къ области фантазіи?

Подъ хожденіемъ семимильными шагами мы разумѣемъ упомянутый уже фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № „Народной Воли" выразился въ увѣренности относительно соціально-революціоннаго (мы не говоримъ соціалистическаго) большинства въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи, а въ № 8-9 проявилъ себя въ разсужденіяхъ о „захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ". Мы глубоко убѣждены, что этотъ фантастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой „партіи Народной Воли." Какъ партіи соціалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ ея непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса Россіи; какъ партіи взявшей на себя иниціативу нашего освободительнаго движенія, — онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будетъ

отталкивать отъ нея очень много средствъ и силъ, которыя могли бы при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества. Объяснимся подробнѣе.

Къ кому обращается, къ кому можетъ и должна обращаться „Народная Воля" въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ? „Привлеченіе въ организацію (Народной Воли) отдѣльныхъ лицъ изъ среды крестьянства - способныхъ къ ней примкнуть, - читаемъ мы въ „Календарѣ Народной Воли"*) - конечно, всегда признавалось очень желательнымъ... Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей; и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ". Быть можетъ „партія Народной Воли" разсчитываетъ опереться на болѣе передовой слой нашего трудящагося населенія, т.е. на городскихъ рабочихъ? Она, дѣйствительно, придаетъ весьма большое значеніе дѣлу пропаганды и организаціи въ ихъ средѣ, она счита-

*) „Подготовительная работа партіи", стр. 129 въ примѣч.

етъ, что „городское рабочее населеніе должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи". Но уже самая мотивировка необходимости этого дѣла показываетъ, что, по ея понятіямъ, городскіе рабочіе должны быть лишь однимъ изъ элементовъ нашего революціоннаго движенія. Они „имѣютъ особенно важное значеніе для революціи, какъ по своему положенію, такъ и по относительно большей развитости - поясняетъ намъ тотъ же документъ, - успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска". Значитъ, предстоящая революція не будетъ рабочей революціей въ полномъ смыслѣ этого слова, но рабочіе должны принять въ ней участіе, такъ какъ они имѣютъ для нея „особенно важное значеніе". Какіе же другіе элементы войдутъ въ это движеніе? Мы видѣли уже, что войдетъ, между прочимъ, „войско", а въ войскѣ „при настоящихъ условіяхъ пропаганда между солдатами затруднена въ такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надеждъ. Гораздо удобнѣе воздѣйствіе на офицерство: болѣе раз-

витое, болѣе свободное, оно болѣе доступно вліянію"! Это, конечно, совершенно справедливо, но не будемъ пока останавливаться на этомъ и пойдемъ дальше. Кромѣ рабочихъ и „офицерства" партія Народной Воли имѣетъ въ виду также либераловъ и „Европу," по отношенію къ которой „политика партіи должна стремиться къ тому, чтобы обеспечить русской революціи сочувствіе народовъ, вызвать къ этой революціи симпатіи европейскаго общественнаго мнѣнія". Для достиженія этой цѣли „партія должна знакомить Европу со всѣмъ пагубнымъ значеніемъ русскаго абсолютизма для самой европейской цивилизаціи, съ истинными цѣлями партіи, со значеніемъ нашего революціоннаго движенія, как выраженія всенароднаго протеста". Что же касается „либераловъ", то въ отношеніи къ нимъ „слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „партія Народной Воли" разсчиты-

ваетъ не на одинъ только рабочій и крестьянскій классы и даже не главнымъ образомъ на эти классы. Она имѣетъ въ виду также и общество и офицерство, которое, въ сущности, есть „плоть отъ плоти и кость отъ костей" того же общества. Она хочетъ убѣдить либеральную часть этого общества, что „при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ" интересы русскаго либерализма сходятся съ интересами рускои соціально-революціонной партіи. Что же она дѣлаетъ, чтобы вселить въ русскихъ либералахъ это убѣжденіе? Она издаетъ, во-первыхъ, программу „Исполнительнаго Комитета", въ которой говорится, что „народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей." Въ извѣстномъ „письмѣ къ Александру III" Исполнительный Комитетъ также требуетъ „созыва представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразн...

съ народными желаніями". Такая программа, дѣйствительно, совпадаетъ съ интересами русскихъ либераловъ и для ея осуществленія они, пожалуй, примирились бы и со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, котораго не можетъ не требовать „Исполнительный Комитетъ". Во всемъ этомъ программа названнаго „Комитета" обнаруживаетъ гораздо большую зрѣлость, чѣмъ всѣ предшествовавшія ей программы. Но, не говоря уже о такомъ крупномъ промахѣ, какъ требованіе свободы сходокъ, слова, печати и избирательныхъ программъ лишь „въ видѣ временной мѣры",*) припомнимъ другія заявленія „партіи Народной Воли." Органъ этой партіи поспѣшилъ предупредить читающую публику, что большинство депутатовъ Учредительнаго Собранія будетъ состоять изъ сторонниковъ радикальнаго экономическаго переворота. Мы уже говорили выше, что эта увѣренность была не болѣе, какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы. Взглянемъ теперь на печатное выраженіе такой

*) См. Письмо къ Александру III, Календарь Н. Вол. 14

увѣренности съ точки зрѣнія тактики. Спрашивается, развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либеральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой, по словамъ „Народной Воли", будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ „красный призракъ" принималъ хоть сколько нибудь грозныя формы, „либералы" готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремонной военной диктатуры. Думал-ли террористическій органъ, что наши русскіе либералы составятъ исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе? Думалъ-ли онъ также, что современное „общественное мнѣніе Европы" до такой степени проникнуто соціалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву соціально-революціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что трепеща краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ апплодировать появленію его въ Россіи? Само собою разумѣется, что ничего

подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, было дѣлать это рискованное заявленіе? Или органъ „партіи Народной Воли" былъ до такой степени убѣжденъ въ неминуемомъ осуществленіи своего пророчества, что считалъ нужнымъ побудить членовъ организаціи къ принятію мѣръ, соотвѣтствующихъ важности ожидаемаго событія? Но въ виду того, что въ томъ же органѣ дѣятельность въ народѣ объявлялась безплодною, мы думаемъ, что заявленіе это имѣло скорѣе успокоительный, чѣмъ побудительный характеръ: соціально-революціонное большинство въ Учредит. Собраніи ожидалось, не смотря на то, что названная дѣятельность напоминаетъ собою теперь „наполненіе бездонныхъ бочекъ Данаидъ."

Само по себѣ заявленіе это могло бы считаться не важнымъ, тѣмъ болѣе, что „Народная Воля" сама, повидимому, разсталась съ преувеличенно-радужными надеждами на составъ будущей русской Конституанты. Мы думаемъ такъ потому, что передовая статья № 8-9 говоритъ объ экономическомъ переворотѣ, который,

въ случаѣ отсутствія соціально-революціонной инициативы въ самомъ народѣ, долженъ быть совершенъ „временнымъ революціоннымъ правительствомъ“ раньше созыва Учредительнаго Собранія. Авторъ статьи совершенно справедливо видитъ лишь въ такомъ переворотѣ гарантію того, что „на созванный Земскій соборъ явятся истинные представители народа“. Прежняя иллюзія „Народной Воли“ разсѣялась, такимъ образомъ, окончательно. Но, къ сожалѣнію, она исчезла лишь затѣмъ, чтобы уступить мѣсто новой, еще болѣе вредной для дѣла самой „партіи Народной Воли“. Фантастическій элементъ программы не уничтожился, онъ принялъ только новый видъ и называется теперь тѣмъ самымъ „захватомъ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ“, который долженъ доставить партіи возможность совершить упомянутый экономическій переворотъ. Само собою понятно, что эта новая „постановка партіонныхъ задачъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушить ни русскимъ либераламъ, ни буржуазной Европѣ мысли о солидарности ихъ интере-

совъ съ интересами русскаго революціоннаго движенія. Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохраненія, и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу „красному призраку"; указывать ему на такую „постановку" задачъ партіи значитъ лишать себя его поддержки и разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Но настолько ли велики эти силы, чтобы не рисковано было отталкивать отъ себя такого союзника? Могутъ ли наши революціонеры действительно захватить въ свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или всѣ толки объ этомъ представляютъ собою ничто иное, как выкраиваніе шкуры звѣря, не только еще не убитаго, но, по обстоятельствамъ дѣла, и не подлежащаго убіенію? Вотъ вопросъ, который становится, въ послѣднее время, злобою дня революціонной Россіи..

Спѣшимъ оговориться. Предъидущія страницы должны были уже убѣдить читателя, что мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей.

По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и при томъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія, долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшій политическаго господства, революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собою это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говоритъ Фаустъ.

Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности мож

диктатуръ рабочаго класса, задачей котораго является, въ настоящее время, не только разрушеніе политическаго господства непроизводительныхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно пониманіе этой задачи предполагаетъ развитой ра-

бочій классъ, обладающій политически мъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. Рѣшеніе же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. А такой пролетаріатъ и не позволитъ захватить власть даже самымъ искреннимъ своимъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходилъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической жизни, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу соціалистической революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей въ дѣлѣ организаціи производства не замѣнитъ никакая конспираторская

сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. Одна мысль о томъ, что соціальный вопросъ можетъ быть на практикѣ рѣшенъ кѣмъ либо, помимо самихъ рабочихъ, указываетъ на полное непониманіе этого вопроса, безъ всякаго отношенія къ тому, держится ли ее „желѣзный канцлеръ" или революціонная организація. Понявшій условія своего освобожденія и созрѣвшій для него, пролетаріатъ возьметъ государственную власть въ свои собственныя руки съ тѣмъ, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началахъ не анархіи, конечно, которая принесла бы ему новыя бѣдствія, — но панархіи, которая дала бы возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ всѣмъ взрослымъ членамъ общества. До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи со-

ціальныхъ экспериментовъ и выжидающій, исходъ которыхъ всегда болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ соціалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность соціалистическаго правительства въ Россіи.

„Народная Воля" считаетъ современное соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ „на русской почвѣ особенно „выгоднымъ" для соціалистовъ. Мы согласны, что оно болѣе выгодно для нихъ въ Россіи, чѣмъ въ Индіи, Персіи или Египтѣ, но его, конечно, невозможно и сравнивать съ западно-европейскими общественными отношеніями. И если „Народная Воля" пришла къ своему убѣжденію, противопоставляя наши порядки не египетскимъ или персидскимъ, а французскимъ или англійскимъ, то она впала въ очень крупную ошибку. Современное „соотношеніе" общественныхъ факторовъ „на русской почвѣ" обусловливаетъ собою невѣжество и индифферентизмъ народной массы; когда же такія

свойства были выгодны для дѣла ея освобожденія? „Народная Воля" полагаетъ, повидимому, что индифферентизмъ этотъ начинаетъ уже исчезать, такъ какъ въ народѣ все больше и больше „пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній." Но что же выходитъ изъ этого стремленія? „Ненависть къ привиллегированнымъ сословіямъ" еще ровно ничего не доказываетъ: она не сопровождается часто ни однимъ лучемъ политическаго сознанія. При томъ же въ настоящее время намъ нужно строго различать сословное сознаніе отъ сознанія классоваго, такъ какъ старыя сословныя подраздѣленія не соотвѣтствуютъ болѣе экономическимъ отношеніямъ Россіи и готовятся уступить свое мѣсто формальному равенству гражданъ въ „правовомъ государствѣ". Если „Народная Воля" взглянетъ на современное міросозерцаніе нашего крестьянства съ точки зрѣнія развитія въ немъ классоваго и политическаго сознанія, то она едва ли будетъ настаивать на

выгодны эти соотношенія нашихъ общественныхъ факторовъ для дѣла соціальнаго переворота. Вѣдь не можетъ же она считать „выгодными" для своего дѣла тѣ толки, которые идутъ въ средѣ крестьянства по поводу ихъ собственной борьбы съ правительствомъ. Какъ ни сильно сказывается въ этихъ толкахъ „ненависть къ правящимъ сословіямъ", но въ виду того, что само революціонное движеніе приписывается крестьянами крѣпостническимъ проискамъ дворянъ и чиновниковъ, „временное революціонное правительство" будетъ находиться въ большой опасности, когда народъ начнетъ „отвоевывать экономическое равенство у своихъ вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ". Тогда нынѣшнее соотношеніе интересующихъ насъ факторовъ обнаружитъ, пожалуй, свойства, весьма невыгодныя для временно восторжествовавшихъ заговорщиковъ. Да и что значитъ „отвоевать экономическое равенство"? Достаточно ли для этого экспропріировать крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать,

извѣстнымъ образомъ, и самое производство? А если да, то благопріятны ли ей современныя экономическія отношенія Россіи, иначе говоря, много ли шансовъ на ея успѣхъ обѣщаетъ намъ „экономическій флюгеръ"? Мы думаемъ, что нѣтъ, и думаемъ такъ по слѣдующей причинѣ. Всякая организація предполагаетъ извѣстныя, опредѣляемыя ея цѣлью и характеромъ, свойства организуемаго. Соціалистическая организація производства предполагаетъ такой характеръ экономическихъ отношеній, который дѣлалъ бы эту организацію логическимъ выводомъ изъ всего предъидущаго развитія страны, и, слѣдовательно, отличался бы весьма значительной опредѣленностью. Другими словами, соціалистическая, какъ и всякая другая, организація требуетъ соотвѣтствующей ей основы. Этой-то основы и нѣтъ въ современной Россіи. Старые устои народной жизни слишкомъ узки, разнородны и односторонни и, кромѣ того, слишкомъ уже расшатаны, а новые только еще вырабатываются. Объективныя общественныя условія производства не созрѣли

еще для соціалистической организаціи, а потому и въ самихъ производителяхъ нѣтъ еще ни стремленія, ни способности къ такой организаціи: наше крестьянство не можетъ еще ни понять, ни рѣшить этой задачи. Поэтому „временному правительству" придется не „санкціонировать", а совершать „экономическій переворотъ", если только его не снесетъ волной народнаго движенія, если только оно встрѣтитъ достаточно повиновенія со стороны производителей.

Но декретами не создашь условій, чуждыхъ самому характеру современныхъ экономическихъ отношеній. „Временному правительству" придется мириться съ тѣмъ, что есть, брать то, что даетъ ему современная русская дѣйствительность въ качествѣ основы его реформаторской дѣятельности. И на этой то узкой и шаткой основѣ здаціе соціалистической организаціи будетъ строиться руками правительства, въ которое войдутъ: во первыхъ, городскіе рабочіе, пока еще мало подготовленные къ такой трудной дѣ... ...льности, во вторыхъ, представи-

тами нашей революціонной молодежи, всегда остававшейся чуждою практической жизни, и, въ третьихъ, „дефицитство" въ экономическихъ познаніяхъ которыхъ весьма позволительно усомниться. Мы не хотимъ дѣлать вполнѣ вѣроятнаго предположенія относительно того, что, рядомъ со всѣми этими элементами, во временное правительство проникнутъ и либералы, которые будутъ не сочувствовать, а мѣшать соціально-революціонной „постановкѣ партіонныхъ задачъ". Мы предлагаемъ читателю взвѣсить лишь вышеперечисленныя обстоятельства и затѣмъ спросить себя: много ли вѣроятности успѣха имѣетъ „экономическій переворотъ", начавшійся при этихъ обстоятельствахъ? Точно ли выгодно для дѣла соціалистической революціи существующее нынѣ „соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ"? И не принадлежитъ ли увѣренность въ выгодности этого соотношенія къ числу фикцій, заимствованныхъ изъ стараго, анархически-бунтарскаго міросозерцанія и доведенныхъ въ программѣ новой, политической партіи до совершенно уже

невозможной крайности? А вѣдь этой фикціей опредѣляются ближайшія, „непосредственныя задачи“ партіи, на ней основывается стремленіе къ немедленному „захвату власти“, стремленіе, пугающее наше общество и придающее односторонній характеръ всей дѣятельности нашихъ революціонеровъ!

Намъ возразятъ, быть можетъ, что „Народная Воля“ и не думаетъ приступать къ соціалистической организаціи общества тотчасъ же, послѣ захвата ею власти, что проэктируемый ею „экономическій переворотъ“ имѣетъ цѣлью лишь воспитаніе народа для будущей соціалистической революціи. Посмотримъ, возможно ли такое предположеніе, и если да, то какіе слѣдуютъ изъ него выводы.

Передовая статья № 8-9 „Народной Воли“ говоритъ объ экономическомъ равенствѣ, которое будетъ „отвоевано“ самимъ народомъ, а въ случаѣ недостатка въ немъ иниціативы, создано временнымъ правительствомъ. Мы говорили уже, что это такъ называемое экономическое равенство возможно лишь при соціалистической

организаціи производства. Но допустим, что „Народная Воля" считаетъ его возможнымъ и при другихъ условіяхъ, что экономическое равенство будетъ, по ея мнѣнію, достаточно обезпечено переходомъ земли и орудій производства въ собственность трудящихся. Такое мнѣніе было бы ничѣмъ другимъ, какъ возвратомъ къ старымъ народническимъ идеаламъ „Земли и Воли", и, съ экономической точки зрѣнія, обнаруживало бы тѣ же самыя слабыя стороны, которыя свойственны были этимъ идеаламъ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ общинъ другъ къ другу, превращеніе продуктовъ труда общинниковъ въ товары и связанное съ нимъ капиталистическое накопленіе грозили бы сдѣлать это „равенство" весьма неустойчивымъ. При самостоятельности мiра, „как экономической и административной единицы", при „широкомъ областномъ самоуправленіи, обезпеченномъ выборностью всѣхъ должностей" и „принадлежности земли народу", которыхъ требуетъ программа Исполнительнаго Комитета, центральное правительство не могло бы принять никакихъ мѣръ для упроченія этого

равенства", если даже и предположить, что оно придумало бы такія мѣры, которыя упраздняли бы не только писаные законы Россійской имперіи, но и законы самаго товарнаго производства. Да оно и не захотѣло бы принимать такихъ мѣръ, такъ какъ оно состояло бы изъ представителей того „освобожденнаго экономически и политически народа", идеалы котораго въ лучшемъ случаѣ выражались бы словами „Земля и Воля" и не оставляли бы мѣста для какой либо организаціи національнаго производства (мы не говоримъ уже объ интернаціональномъ.)

Предположимъ, что въ виду этой опасности „временное" правительство „Народной Воли" не передастъ завѣщанной имъ власти народным представителямъ и превратится въ — постоянное. Тогда ему будетъ предстоять такая альтернатива. Или оно должно будетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ медленнаго разложенія созданнаго имъ „экономическаго равенства", или оно вынуждено будетъ организовать національное производство. Рѣшить эту трудную задачу оно должно бы

детъ или въ духѣ современнаго соціализма, чему помѣшаютъ, какъ его собственная непрактичность, так и современная степень развитія національнаго труда и привычки самихъ трудящихся; или же оно должно будетъ искать спасенія въ идеалахъ „патріархальнаго и авторитарнаго коммунизма", внося въ эти идеалы лишь то видоизмѣненіе, что вмѣсто перуванскихъ „сыновъ солнца" и ихъ чиновниковъ національнымъ производствомъ будетъ завѣдывать соціалистическая каста. Но русскій народъ и теперь уже слишкомъ развитъ, чтобы можно было льстить себя надеждой на счастливой исходъ такихъ опытовъ надъ нимъ. Несомнѣнно, кромѣ того, что при такой опекѣ народъ не только не воспитался бы для соціализма, но или окончательно утратилъ бы всякую способность къ дальнѣйшему прогрессу, или сохранилъ бы эту способность, лишь благодаря возникновенію того самаго экономическаго неравенства, устраненіе котораго было бы непосредственной цѣлью революціоннаго правительства. Мы не говоримъ у же о вліяніи международныхъ отношеній

и о невозможности перувіанскаго ко-
мунизма даже на востокѣ Европы
XIX или XX столѣтія.

Впрочемъ, зачѣмъ такъ много го-
ворить о результатахъ захвата
власти нашими революціонерами.
Вѣроятенъ ли, возможенъ ли самый
захватъ? По нашему мнѣнію очень
очень мало вѣроятенъ; такъ мало
вѣроятенъ, что его можно считать
совсѣмъ невозможнымъ. Нашъ „мысля-
щій пролетаріатъ" сдѣлалъ уже оче-
нь много для освобожденія своей ро-
дины. Онъ расшаталъ абсолютизмъ,
пробудилъ политическій интересъ
въ обществѣ, занесъ сѣмя соціали-
стической пропаганды въ среду на-
шего рабочаго класса. Онъ состав-
ляетъ переходъ отъ высшихъ кла-
ссовъ общества къ низшему, облада-
етъ образованіемъ первыхъ и демо-
кратическими инстинктами вто-
раго. Это положеніе облегчало ему
его разностороннюю агитаціи ра-
боту и пропаганды. Но тоже самое
положеніе даетъ ему очень мало наде-
жды на успѣхъ заговора съ цѣлью
захвата власти. Для такого загово-
ра недостаточно талантовъ, энергіи
и образованія; нужны связи, богат-

ство и вліятельное общественное положеніе заговорщиковъ. Именно этого-то и недостаетъ нашей революціонной интеллигенціи. Пополнить этотъ недостатокъ она можетъ, лишь вступая въ союзъ съ другими недовольными элементами русскаго общества. Допустимъ, что ея планы и встрѣтятъ сочувствіе со стороны этихъ элементовъ, допустимъ, что къ заговору примкнутъ богатые землевладѣльцы, капиталисты, чиновники, штабъ- и оберъ-офицеры. Успѣхъ заговора станетъ тогда вѣроятнѣе, хотя вѣроятность эта будетъ еще очень невелика: припомнимъ только исходъ большей части извѣстныхъ въ исторіи заговоровъ. Но главная опасность будетъ грозить соціалистическому заговору не со стороны существующаго правительства, а со стороны его собственныхъ участниковъ. Вошедшія въ него вліятельныя и высокопоставленныя лица могутъ быть искренними соціалистами лишь въ видѣ „счастливой случайности". Относительно же большей части этихъ лицъ не можетъ быть никакихъ гарантій въ томъ, что они не пожелаютъ воспользоваться

захваченной ими властью для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами рабочаго класса. А разъ заговорщики отклонятся отъ соціалистической цѣли заговора, его можно считать не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для соціальнаго развитія страны; вѣдь нельзя же изъ ненависти къ абсолютизму сочувствовать успѣхамъ „новѣйшихъ Сэяновъ" - какъ выражается Степнякъ въ своей извѣстной книгѣ, - которые захотѣли бы воспользоваться заговоромъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Такимъ образомъ, результаты заговора соціалистической интеллигенціи съ цѣлью захвата власти въ ближайшемъ будущемъ станутъ тѣмъ болѣе сомнительными, чѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ онъ во вліятельныхъ сферахъ, т. е. чѣмъ вѣроятнѣе будетъ его внѣшній успѣхъ, и наоборотъ, результаты такого заговора - поскольку рѣчь идетъ о намѣреніяхъ его участниковъ - будутъ тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе его сфера ограничится нашею соціалистическою „интеллигенціею", т. е. чѣмъ невѣроятнѣе будетъ его счастливый исходъ.

Все заставляетъ думать, что въ настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорѣе второго, чѣмъ перваго рода.

Въ виду всего сказаннаго мы думаемъ, что единственною нефантастическою цѣлью русскихъ социалистовъ можетъ быть теперь только завоеванiе свободныхъ п..литическихъ учрежденiй съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованiя будущей рабочей социалистической партiи Россiи — съ другой. Они должны выставить требованiе демократической конституцiи, которая, вмѣстѣ съ „правами человѣка", обезпечила бы рабочимъ „права гражданина" и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участiя въ политической жизни стр..ны. Не пугая никого далекимъ пока „краснымъ призракомъ", такая программа вызывала бы къ нашей революцiонной партiи сочувствiе всѣхъ, непринадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократiи; вмѣстѣ съ социалистами подъ ней могли бы подписаться очень многiе представители нашего либерализма. И между тѣмъ, какъ захватъ власти той

или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи и лицъ, посвященныхъ въ ея планы, агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію. Тогда интересы либераловъ дѣйствительно „заставили" бы ихъ „вмѣстѣ съ соціалистами дѣйствовать противъ правительства", потому что либералы перестали бы встрѣчать въ революціонныхъ изданіяхъ увѣренія въ томъ, что ниспроверженіе абсолютизма будетъ сигналомъ соціальной революціи въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая, менѣе пугливая и болѣе трезвая часть либеральнаго общества перестала бы видѣть въ революціонерахъ непрактическихъ юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этотъ невыгодный для революціонеровъ взглядъ уступилъ бы мѣсто уваженію общества не только къ ихъ героизму, но и къ ихъ политической зрѣлости. Постепенно это сочувствіе перешло бы въ активную поддержку тѣмъ, кто выработ-

ніе, въ самостоятельное общественное движеніе, и тогда пробилъ бы, наконецъ, часъ паденія абсолютизма. Соціалистическая партія играла бы въ этомъ освободительномъ движеніи весьма почетную и выгодную роль. Ея славное прошлое, ея самоотверженіе и энергія придали бы вѣсъ ея требованіямъ, и она имѣла бы, по крайней мѣрѣ, шансы завоевать такимъ образомъ: народу возможность политическаго развитія и воспитанія, а себѣ право открытаго обращенія къ нему съ своею проповѣдью и открытой организаціи его въ особую партію.

Но этого мало. Вѣрнѣе это недостижимо безъ одновременной дѣятельности другого рода и въ другой сферѣ. Безъ силы нѣтъ и права. Всякая конституція, - по прекрасному выраженію Лассаля - соотвѣтствуетъ или стремится придти въ соотвѣтствіе съ „реальными, фактическими отношеніями силы, существующими въ странѣ." Поэтому, наша соціалистическая интеллигенція должна позаботиться о томъ, чтобы еще въ до-конституціонный періодъ измѣнить эти фактическія от-

положенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса. Въ противномъ случаѣ паденіе абсолютизма далеко не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на него русскими соціалистами или даже демократами. Требованія народа и въ конституціонной Россіи могутъ быть оставлены совсѣмъ безъ вниманія или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиленія его податной способности, нынѣ почти совершенно истощенной хищническимъ характеромъ государственнаго хозяйства. Сама соціалистическая партія, завоевавши либеральной буржуазіи свободу слова и дѣйствія, можетъ очутиться въ „исключительномъ" положеніи, подобномъ положенію современной нѣмецкой соціалъ-демократіи. Въ политикѣ на благодарность вчерашнихъ союзниковъ и нынѣшнихъ враговъ можетъ разсчитывать лишь тотъ, кому невозможно разсчитывать на что-либо болѣе серьезное.

Къ счастію, русскіе соціалисты могутъ строить свои надежды на болѣе прочномъ основаніи. Они могутъ и должны надѣяться прежде

всего на рабочій классъ. Сила рабочаго, какъ и всякаго другаго класса, зависитъ, между прочимъ, отъ ясности его политическаго сознанія, отъ его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежатъ воздѣйствію нашей соціалистической интеллигенціи. Она должна стать руководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснить ему его политическіе и экономическіе интересы, равно какъ и взаимную связь этихъ интересовъ, должна подготовить его къ самостоятельной роли въ общественной жизни Россіи. Она должна всѣми силами стремиться къ тому, чтобы, въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи, нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленною соціально-политическою программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самимъ рабочимъ, но интеллигенція должна выяснить имъ главнѣйшіе ея пункты, какъ напримѣръ, радикальный пересмотръ современныхъ аграрныхъ отношеній

податной системы и фабричного законодательства, государственная помощь производительным ассоціаціямъ и т.п. Все это можетъ быть достигнуто лишь путемъ усиленной работы въ средѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе передовыхъ слоевъ нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организаціи рабочихъ соціалистическихъ кружковъ. Эти задачи всегда занимали, правда, болѣе или менѣе видное мѣсто въ программахъ нашихъ соціалистовъ, а „Календарь Народной Воли" можетъ убѣдить насъ въ томъ, что онѣ не были забыты даже въ пылу самой ожесточенной борьбы съ правительствомъ (смотри „Подготовительную работу партіи", рубрику — В, Городскіе рабочіе). Но мы предлагаемъ всякому знакомому съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ, припомнить и сравнить, сколько силъ и средствъ поглотила разрушительная работа и сколько пошло ихъ на подготовленіе элементовъ для будущей рабочей соціалистической партіи. Не виня никого, мы думаемъ, однако, что распредѣленіе революціонныхъ силъ было слишкомъ

односторонне. А между тѣмъ, мы напрасно стали бы объяснять это свойствомъ самихъ революціонныхъ силъ или той рабочей среды, на которую имъ нужно было воздѣйствовать, согласно ихъ собственной программѣ. Появленіе и успѣхъ такихъ изданій, какъ „Зерно" и „Рабочая Газета", показываютъ, что наши революціонеры не утратили склонности къ пропагандѣ, а наши рабочіе не остались къ ней равнодушными. Названныя изданія не избѣгали, конечно, ошибокъ, иногда весьма существенныхъ, но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Главная бѣда въ томъ, что въ изданіи этихъ листковъ не видно той энергіи, съ какой ведется литературная пропаганда въ „интеллигентныхъ" слояхъ общества, что арестованная типографія не замѣняется новой, что за невозможностью вести дѣло изданія въ Россіи оно не переносится заграницу и т. д. Изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ, а ихъ было у насъ не мало, только „Работникъ" имѣлъ въ виду читателей изъ народа, и въ этомъ величайшая заслуга его издателей. Но „Работникъ" давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ хо-

тя бы и съ другой програмной, болѣе подходящей къ измѣнившимся взглядамъ русскихъ соціалистовъ. А что издано у насъ для рабочихъ въ Россіи, кромѣ „Зерна" и „Рабочей газеты"? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры! И это въ то время, когда революціонное движеніе обратило на себя всеобщее вниманіе, и народъ, съ жадностью ловя всѣ слухи и толки, въ недоумѣніи спрашивалъ себя: чего хотятъ эти люди? Можно ли послѣ этого удивляться тѣмъ нелѣпымъ отвѣтамъ на этотъ вопросъ, которыми онъ довольствуется иногда за неимѣніемъ лучшихъ. Повторяемъ, мы не винимъ никого, но всѣмъ совѣтуемъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла, чтобы во время наверстать упущенное.*)

Такимъ образомъ, борьба за политическую свободу съ одной стороны, и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли — съ другой, такова по нашему

*) „Въ истекшемъ году — читаемъ мы въ Прибавленіи къ Листку Н. В. №1 (1883., стр. 61) — было цѣлый рядъ стачекъ, которыя, благодаря отсутствію организаціи рабочихъ, кончались большей частью неудачей"!

лизмию „постановка партiонныхъ задачъ, единственно возможная въ настоящее время. Связывать въ одно два такихъ различныхъ существенно дѣла, какъ низверженiе абсолютизма и соцiалистическая революцiя, вести революцiонную борьбу съ расчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитiя совпадутъ въ исторiи нашего отечества — значитъ отдалять наступленiе и того, и другого. Но отъ насъ зависитъ сблизить эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые шли, по словамъ Манифеста „рядомъ съ буржуазiей, поскольку она являлась революцiонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархiи" и, въ тоже время, „ни на минуту не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознанiе враждебной противоположности интересовъ буржуазiи и пролетарiата." Поступая такимъ образомъ, коммунисты хотѣли, чтобы „нѣмецкая буржуазная революцiя послужила лишь непосредственнымъ прологомъ революцiи рабочей".

Современное положенiе буржуазныхъ обществъ и влiянiе международныхъ отношенiй на соцiальное развитiе каждой

цивилизованной страны даютъ намъ право надѣяться, что соціальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія „пришла слишкомъ поздно", то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ быть продолжительнымъ. Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не „слишкомъ поздно" начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее вполнѣ своевременнымъ и насущнымъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній оговоримся. Мы не держимся того взгляда — скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто-бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что — въ общемъ — русское крестьянство отнеслось бы съ большей симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую „націонализацію земли". При возможности сколько нибудь свободной

агитаціи въ его средѣ, оно отнеслось бы
съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, кото
рые не замедлили бы, разумѣется, внести
требованіе такого рода мѣръ въ свою
программу. Но мы не преувеличиваемъ
силъ нашихъ соціалистовъ и не игнори-
руемъ тѣхъ препятствій, того сопро-
тивленія среды, съ которыми имъ не-
избѣжно придется считаться въ своей
дѣятельности. Поэтому и только по-
этому, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ,
на первое время, сосредоточить глав-
ное свое вниманіе на промышленныхъ
центрахъ. Современное сельское населе-
ніе, живущее при отсталыхъ соціаль-
ныхъ условіяхъ, не только менѣе промы
шленныхъ рабочихъ способно къ сознатель
ной политической иниціативѣ, но и
менѣе ихъ восприимчиво къ движенію,
начатому нашей революціонной интел-
лигенціей. Ему труднѣе усвоить соціа
листическія ученія, потому что усло-
вія его жизни слишкомъ не похожи
на условія, породившія эти ученія.
Къ тому же крестьянство переживаетъ
теперь тяжелый критическій періодъ.
Прежніе „старо-дѣдовскіе устои“ его хо-
зяйства рушатся, „сама несчастная
община дискредитируется въ его глазахъ“
по признанію даже такихъ „старовѣровъ

ско"-народническихъ органовъ, какъ „Недѣля" (см. 39 № статью г. N. Z. „Въ родныхъ мѣстахъ"); новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, разрушая и размывая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новыя осадки и отложенія, процессъ русскаго соціальнаго развитія образуетъ новыя общественныя формаціи, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формаціи носятъ въ себѣ зародыши новаго общественнаго движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплуатаціи трудящагося населенія Россіи. Промышленные рабочіе, -обладающіе большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, -примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, и затѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую соціалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду соціализма

въ средѣ крестьянства. Говоримъ о систематической пропагандѣ потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно, не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва ли нужно также прибавлять, что наши соціалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движеніе.

Такова „программа", которая самою жизнью подсказывается русской революціонной партіи. Сумѣетъ ли она выполнить эту программу? Захочетъ ли она покинуть фантастическіе планы и замыслы, которые, надо сознаться, чувству и воображенію очень много говорятъ? Пока еще трудно отвѣчать на это съ увѣренностью. „Объявленіе объ изданіи Вѣстника Народной Воли" говоритъ о политическихъ задачахъ революціонной партіи лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Редакція „Вѣстника" называетъ эти цѣли „совершенно опредѣленными" и не считаетъ, повидимому, нужнымъ снова опредѣлять ихъ въ своемъ объявленіи. Можно опасаться, поэтому,

что она не сочтетъ также нужнымъ спросить себя, соответствуютъ ли „совершенно определенныя условія" современной русской действительности „совершенно определеннымъ целямъ" партіи Народной Воли? Въ такомъ случае, новый органъ оставитъ неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революціонной литературы, потребность въ критическомъ пересмотре устаревшихъ программъ и традиціонныхъ способовъ действія. Но мы надеемся, что будущее разсеетъ наши опасенія. Намъ хочется думать, что новый органъ трезво взглянетъ на те задачи нашей революціонной партіи, отъ решенія которыхъ зависитъ ея будущее. Общественная жизнь отнесется къ ея современнымъ иллюзіямъ съ того же безпощадностью, съ какой отнеслась она къ иллюзіямъ нашихъ „бунтарей" и пропагандистовъ. Лучше теперь же последовать ея указаніямъ, чемъ оплачивать, впоследствіи, ея суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованіями.

